

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 41.

Воскресенье 10 Октября.

„Право“ издается в С.-Петербургъ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: *И. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.*

Содержаніе: 1) Вопросы торговаго права въ проектѣ гражданскаго уложенія. — Проф. Г. Ф. Шершеневича. 2) Англо-трансваальскій конфликтъ. — Л. В. Шалланда. 3) Примѣненіе 2 ч. 229 ст. улож. о нак. на практикѣ. — Н. Н. Товстолѣса. 4) Судебные отчеты. 5) Хроника. 6) Юридическія общества. I. С.-Петербургское. II. Казанское. 7) Библиографія: Вѣстникъ права, № 7, Сентябрь, 1899 г. 8) Приложенія: I. Засѣданіе Московской судебной палаты по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ. II. Засѣданіе Симферопольскаго окружнаго суда по дѣлу объ убійствѣ изъ мести. 9) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Вопросы торговаго права въ проектѣ гражданскаго уложенія.

Вниманію русскихъ юристовъ предложенъ проектъ V части гражданскаго уложенія (право обязательственной). Много проектовъ промелькнуло за послѣднія десятилѣтія передъ глазами русскаго общества и всѣ они канули въ лету. Невольно возбуждается сомнѣніе, стоит ли тратить трудъ и время на изученіе еще одного проекта, который также, можетъ быть, осужденъ судьбою на смерть. Въ оправданіе такого недоувѣрія въ настоящемъ случаѣ говоритъ одинъ неблагопріятный симптомъ: рожденіе проекта ненормально, онъ появляется на свѣтъ не головою, а ногами. Значитъ, есть что-то роковое, что мѣшаетъ проекту появиться въ цѣломъ видѣ или, по крайней мѣрѣ, началомъ впередъ.

Однако, важность содержанія проекта, превосходящаго по своему значенію все, что появлялось ранѣе, заставляетъ стряхнуть съ себя еще на этотъ разъ сомнѣніе. Интересъ къ проекту поддерживаютъ и его безспорныя достоинства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Техническая сторона проекта заслуживаетъ въ общемъ полнаго одобренія. Статьи написаны яснымъ и точнымъ языкомъ, терминологія выдержана, проектъ кратокъ при значительномъ содержаніи. Къ внутреннимъ достоинствамъ проекта относится современность его постановленій.

Критикѣ предстоитъ всесторонне разсмотрѣть настоящій проектъ. Остановимся теперь на одномъ вопросѣ.

Проектъ обнимаетъ матеріалъ какъ гражданскаго, такъ и торговаго права. Свойственное западнымъ законодательствамъ раздвоеніе частнаго права будетъ чуждо русскому гражданскому уложенію. Съ этимъ рѣшеніемъ вопроса нельзя не согласиться. Во-первыхъ, обособленіе торговаго права основывалось на отсталости гражданскаго права, а признать силу такого обстоятельства при пересмотрѣ всего гражданскаго законодательства нѣсколько странно. Во-вторыхъ, русскому законодательству въ его прошломъ и настоящемъ чуждо раздвоеніе гражданскаго права на общегражданское и торговое, а потому тамъ, гдѣ для западныхъ законодательствъ рѣчь идетъ о сохраненіи существующаго порядка, у насъ дѣло шло бы о крупномъ нововведеніи.

Таковы основныя соображенія, принятыя комиссіею, и развитію ихъ посвящено значительное вниманіе въ объяснительной запискѣ. Подробность и обстоятельность, съ которыми разсмотрѣнъ этотъ вопросъ, заставляетъ признать это однимъ изъ лучшихъ мѣстъ записки, не оправдывающей, къ сожалѣнію, своимъ содержаніемъ даннаго ей объема. Она наполнена ссылками на всевозможныя законодательства и чрезвычайно скупа на мотивировку принятыхъ въ проектѣ рѣшеній. Мы легко узнаемъ, что одно законодательство рѣшаетъ данный вопросъ

такъ-то, а другое — иначе, но почему проектъ принимается именно это рѣшеніе, почему онъ формулируетъ его такъ-то,—это мало обосновано.

И эта слабая сторона записки обнаруживается на тѣхъ отступленіяхъ отъ основной мысли, которыя допущены въ проектѣ.

Признавъ, что не должно быть особаго торговаго законодательства и мотивировавъ это вполне основательно, составители проекта сочли необходимымъ создать рядъ исключительныхъ „торговыхъ“ нормъ. Посмотримъ, насколько такія исключенія цѣлесообразны, насколько они обоснованы въ запискѣ и всегда ли они „торговы“.

1. Проектъ „вводитъ“ въ наше законодательство право удержанія (ст. 104), предполагая, повидимому, его полную неизвѣстность дѣйствующему законодательству (объясн. зап. т. I, стр. 220). Странно, что составители не упоминаютъ о ст. 85 общ. уст. рос. жел. дорогъ. Рядомъ съ общимъ правомъ удержанія ст. 105 проекта вводитъ специальное для сдѣлокъ „между торговцами“. Для оправданія сдѣланнаго исключенія записка приводитъ слѣдующія соображенія. „Въ отношеніи торговыхъ сдѣлокъ общепризнаннымъ (?) является то положеніе, что для установленія соотношенія (Connexität), служащаго основаніемъ права удержанія, считается достаточнымъ, если требованіе вѣрителя и нахожденіе въ его распоряженіи товаровъ, процентныхъ и иныхъ цѣнныхъ бумагъ должника вытекаютъ изъ ихъ дѣловыхъ сношеній. Какъ эта существенная особенность права удержанія въ обезпеченіе требованій по торговымъ сдѣлкамъ, такъ и дальнѣйшія его подробности, опредѣляемыя ст. 105 и 106 проекта, вполне соотвѣствуютъ установившемуся въ законодательной практикѣ взгляду на сей предметъ, а потому въ особыхъ объясненіяхъ не нуждаются“. Съ послѣднимъ никакъ нельзя согласиться. Объясненія здѣсь нужны, и даже очень.

Мы привели рѣшительно все, что имѣется въ запискѣ въ оправданіе ст. 105 и 106 проекта, весьма объемистыхъ—та и другая. Прежде всего возбуждается вопросъ, объ ли статьи относятся къ торговымъ сдѣлкамъ? Такъ, повидимому, полагаютъ составители проекта. Но въ ст. 106 не говорится, что она примѣняется „между торговцами“, какъ это сказано въ ст. 105. Откуда же мы должны вывести ея ограниченительное примѣненіе? Изъ упоминанія о „товарахъ“? Но задержанный товаръ ничего еще не говоритъ въ пользу торговаго характера сдѣлки, а во-вторыхъ, рядомъ съ товаромъ въ ст. 106 упоминаются процентныя и иныя цѣныя бумаги, которыя вовсе не связаны съ торговлею. Почему же составители проекта полагаютъ, что ст. 106, какъ и ст. 105, примѣнима только къ торговымъ сдѣлкамъ? Это остается необъясненнымъ и необъяснимымъ.

Еще важнѣе узнать, въ чемъ существенное

различіе между общегражданскимъ (ст. 104) и торговымъ (ст. 105) правомъ удержанія? Несмотря на огромный объемъ ст. 105 и 106, дѣло нисколько не выясняется, и можно быть увѣреннымъ, что практика была бы поставлена въ большое затрудненіе необходимостью рѣшить этотъ вопросъ. Очевидно различіе не въ томъ, что въ ст. 104 говорится о „движимомъ“ имуществѣ, а въ ст. 105—о товарахъ и цѣнныхъ бумагахъ, потому что послѣдніе объекты только видъ первой категоріи. Различіе и не въ томъ, что ст. 104 говоритъ объ „опредѣленномъ“ имуществѣ, а ст. 105 о товарахъ и цѣнныхъ бумагахъ, потому что предметомъ права удержанія можетъ быть только опредѣленное имущество, напр. такое-то число пудовъ муки, принадлежащей такому-то должнику и попавшей въ руки вѣрителя при такихъ-то условіяхъ. Значитъ, дѣло въ условіяхъ установленія права. Ст. 104 имѣетъ въ виду, что между удерживаемымъ объектомъ и обезпечиваемою имъ сдѣлкой есть связь, а ст. 105 считаетъ это несущественнымъ, были бы вообще дѣловыя сношенія. Но почему должно быть проведено такое различіе, почему для торговаго оборота излишне то условіе, которое необходимо для общегражданскаго, или, напротивъ, почему это условіе не слѣдуетъ распространить на торговый оборотъ—этого мы не узнаемъ изъ записки. Мы сомнѣваемся, чтобы это различіе можно было обосновать.

2. Проектъ устанавливаетъ, въ видѣ общаго правила, что солидарная или, какъ выражается проектъ, совокупная отвѣтственность еодолжниковъ не предполагается, но должна быть положительно установлена въ законѣ или договорѣ (ст. 166). Рядомъ съ этимъ существуетъ (ст. 167) исключеніе „для торговыхъ сдѣлокъ“ (по выраженію объяснительной записки). На чемъ основано это различіе? Если предположеніе солидарности имѣетъ свои выгоды, почему оно не распространено на всѣ вообще сдѣлки, а если оно нецѣлесообразно, то зачѣмъ вводитъ исключеніе для торговаго оборота? И на этотъ разъ записка безмолвна. Правда, въ ней изложенъ споръ, пронесенный въ комиссію по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вводить презумпцію солидарности или нѣтъ. Если бы взяло верхъ мнѣніе меньшинства (4 членовъ), то исключенію, очевидно, не было бы мѣста. Взяло верхъ мнѣніе большинства (6 членовъ). Но почему это большинство нашло цѣлесообразнымъ установить противоположное правило для торговыхъ сдѣлокъ—объ этомъ ни слова. Намъ кажется, что мнѣніе меньшинства было болѣе правильно по тѣмъ соображеніямъ, которыя имъ приведены, тѣмъ болѣе, что принципъ, выраженный въ ст. 166, остается почти пустымъ звукомъ въ виду ст. 167, 344, 379, 444, 524, 527, 565, 627, 644, 692, 746, 1022 и 1051, въ которыхъ допущено обратное начало. Если предположеніе солидарности можно было ввести

въ цѣлый рядъ общегражданскихъ отношеній, почему его нельзя было сдѣлать общимъ правиломъ? Къ чему было создавать необоснованную рознь между гражданскимъ и торговымъ оборотомъ?

Еще одно замѣчаніе чисто внѣшняго свойства. Ст. 167 редактирована такъ: „если двое или нѣсколько лицъ приняли на себя обязательство по договору, относящемуся къ торговлѣ...“ Полагаютъ ли составители проекта, что ст. 167 въ такой формулировкѣ рассчитана на торговую сдѣлку? Тогда они ошибаются, между „торговою сдѣлкою“ и „договоромъ, относящимся къ торговлѣ“, большая дистанція. Помѣщики, составляющіе солодъ винокуренному заводу, совершаютъ договоръ, относящійся къ торговлѣ, который, однако, не будетъ для нихъ торговою сдѣлкою.

3. Къ исключеніямъ, устанавливаемымъ проектомъ въ виду особыхъ условій торговаго быта, объяснительная записка относитъ ст. 200. Въ случаѣ просрочки со стороны продавца по общему правилу (ст. 131) покупщикъ назначаетъ продавцу новый срокъ исполненія, съ предвареніемъ, что въ случаѣ пропуска и этого срока вѣритель отказывается отъ договора. По исключительному правилу, рассчитанному на тотъ случай, когда продаются товары и процентныя бумаги на точно опредѣленный срокъ (Fixgeschäfte) пересрочка не требуется и покупщикъ сразу можетъ отказаться отъ договора и требовать возмѣщенія убытковъ (ст. 200). Точно такое же правило установлено и въ пользу продавца (ст. 222).

Прежде всего спрашивается, дѣйствительно ли это исключеніе установлено ради „торговаго быта“. Для торжественнаго обѣда, устраиваемаго въ провинціи, выписываютъ изъ Москвы фрукты и цвѣты: доставка ихъ послѣ срока, назначеннаго для обѣда, не можетъ считаться исполненіемъ. На биржѣ срочныя сдѣлки могутъ заключать всякій, не имѣющій ничего общаго съ торговымъ бытомъ, далекій отъ него по обычнымъ условіямъ своей жизни. Если торговый характеръ исключенія заключается не въ срочности сдѣлки, то, можетъ быть, онъ скрытъ въ объектѣ, въ „товарахъ и процентныхъ (?) бумагахъ“. Напрасно проектъ такъ злоупотребляетъ словомъ „товаръ“. Если я являюсь на биржу и заключаю сдѣлку на разность, имѣющую своимъ предметомъ пшеницу, которую ни я ни мой контрагентъ никогда и не видали, то будетъ ли предметомъ сдѣлки товаръ? И слѣдуетъ ли, по мнѣнію составителей проекта, считать товаромъ все, что имѣетъ рыночную цѣну? Такъ что продаваемый интендантству помѣщикомъ хлѣбъ слѣдуетъ считать товаромъ? Все это крайне неясно. Ст. 200 и 220 содержатъ исключеніе для срочныхъ сдѣлокъ, но не содержатъ исключенія для торговыхъ сдѣлокъ.

4. По ст. 228 „отъ добросовѣстнаго покуп-

щика проданная ему движимыя вещи не могутъ быть отобраны, хотя бы продавецъ и не былъ ихъ собственникомъ. Похищенные или потерянные вещи могутъ быть отобраны въ теченіе 3 лѣтъ отъ всякаго третьяго лица; но купившій таковую вещь съ публичнаго торга или отъ лица, производящаго торговлю подобными вещами, обязанъ возратить ее собственнику лишь по возмѣщеніи уплаченной за нее цѣны и произведенныхъ на нее необходимыхъ и полезныхъ издержекъ“. Это постановленіе составители проекта считаютъ (объясн. зап. т. I, стр. 498) лишь небольшой вариацией дѣйствующаго права — до чего можетъ довести увлеченіе основывать проекты исторической почвою! Мы имѣемъ въ ст. 228 исключеніе, которое, по мнѣнію составителей проекта, вызывается особенностями торговаго быта (объясн. зап. введение, XXXVII). Но чѣмъ объясняется допущенное исключеніе? „Нельзя отрицать, что лица, купившія вещь отъ лицъ, занимающихся гласною продажей подобныхъ вещей, должны, въ видахъ поддержанія безопасности торговли, пользоваться большею гарантіею, нежели обыкновенные покупатели“ (т. I, стр. 498—499). Но почему „должны“, спросить всякій, которому хотѣлось бы убѣдиться въ цѣлесообразности предлагаемыхъ нормъ. Записка не даетъ объясненій, а между тѣмъ такія объясненія могли быть даны, потому что они существуютъ. Но, положимъ, что мы согласились съ цѣлесообразностью этого исключенія. Дѣйствительно ли это „торговое“ исключеніе? Если крестьяне устраиваютъ въ городѣ продажу изъ лавки своихъ деревенскихъ издѣлій, напр. деревянныхъ ложекъ или желѣзныхъ замковъ, примѣнима ли къ этому случаю ст. 228? Несомнѣнно да, хотя продажа вовсе не торгова, такъ какъ это не перепродажа. Проектъ употребилъ слово „торговля“ въ смыслѣ продажи. Значитъ исключеніе идетъ дальше торговаго оборота, и совершенно правильно, потому что дѣло именно въ „гласности продажи“, о которой говоритъ записка, а не въ „торговлѣ подобными вещами“, какъ говоритъ проектъ. Здѣсь-то скрытъ мотивъ исключенія, извиняющій покупателя и заставляющій войти въ его положеніе.

5. Договоръ имущественнаго найма, по проекту (ст. 279), не можетъ быть заключенъ на срокъ свыше 36 лѣтъ. Наемъ земель подъ фабрики и заводы или для ископаемыхъ можетъ быть заключенъ на срокъ до 90 лѣтъ. Опять-таки составители проекта желаютъ видѣть здѣсь исключеніе для торговаго оборота. Но гдѣ же оно заключается? Не въ наймѣ для добыванія каменнаго угля? Если я нанимаю землю для устройства конскаго завода, то неужели я совершаю наемъ для торговли? Какое представленіе о торговлѣ имѣли составители проекта? Руководствовались ли они общежитскимъ словоупотребленіемъ, смѣшивающимъ торговлю со всякою промысловою дѣятельностью, или же

имѣли въ виду то понятіе, котораго придерживается торговое право?

6. По договору займа проценты могутъ быть лишь тогда требуемы вѣрителемъ, когда они назначены въ договорѣ. Таково общее правило, устанавливаемое ст. 357 проекта. Въ той же статьѣ содержится и исключеніе: по займамъ, совершаемымъ торговцами между собою, проценты могутъ быть требуемы и безъ положительнаго о томъ соглашенія сторонъ. Обращаемся къ объяснительной запискѣ и ищемъ, по какимъ экономическимъ или нравственнымъ соображеніямъ предлагается такое различіе. Находимъ только одно догматическое объясненіе перваго положенія. „Правило, что ростъ можетъ быть требуемъ только тогда, когда онъ положительно назначенъ въ договорѣ, вытекаетъ изъ существа займа, какъ договора, основаннаго на передачѣ замѣнимыхъ вещей и слѣдовательно (!) рождающаго лишь одно обязательство, состоящее въ возвращеніи такихъ же и такого же количества вещей“ (т. II, стр. 177). Соглашусь, что это объясненіе догматически вѣрно. Какой же отсюда выводъ? Тотъ, что и заемъ между торговцами долженъ обладать тѣмъ же признакомъ, чтобы не противорѣчить „существу займа“. А между тѣмъ проектъ предлагаетъ иначе. Какимъ образомъ составители проекта, признавъ предполагаемую безвозмездность существеннымъ признакомъ займа, установили предположеніе возмездности для займа между торговцами — совершенно непонятно.

Но мы думаемъ, что предположеніе безвозмездности къ существу договора займа не относится. Если введеніе по соглашенію возмездности въ договоръ займа не измѣняетъ его существа, значитъ—безвозмездность не составляетъ существеннаго признака въ этомъ договорѣ, какъ въ договорѣ ссуды. А если это такъ, то намъ нужно перейти на почву законодательной политики и поставить вопросъ такъ: цѣлесообразно ли предполагать заемъ возмезднымъ или слѣдуетъ возмездность займа обусловить особымъ соглашеніемъ? Если законъ долженъ соответствовать дѣйствительности, быть отраженіемъ того, quod plerumque fit, то для настоящаго времени договоръ займа слѣдуетъ предполагать возмезднымъ. Въ доброе старое время „деньги не могли родить деньги“. Но теперь, когда никто не хранитъ свободныхъ денегъ дома въ сундукѣ, а или держитъ ихъ въ банковской конторѣ, или превращаетъ въ государственную 4% ренту, капиталъ никогда не остается безъ процентовъ. Это явленіе не исключительно торговое, а рѣшительно общее. Поэтому, если лицо даетъ другому 200 рублей взаймы, то оно или беретъ эту сумму съ текущаго счета, или не помѣщаетъ ихъ на текущій счетъ, потому что отдаетъ ихъ пріятелю. Тѣмъ самымъ оно лишаетъ себя процентовъ. Если пріятель возвращаетъ обратно эти 200 рублей безъ обычнаго процента, то, слѣдовательно, онъ

отнял у одолжившаго ему друга нѣкоторую сумму, несомнѣнно ему причитавшуюся.

Примѣняясь къ этимъ новымъ экономическимъ условіямъ, необходимо установить въ видѣ общаго правила то, что установлено для отношеній между торговцами, т. е., что проценты по займу могутъ быть требуемы и безъ положительнаго о томъ соглашенія, если договоромъ прямо не устранены. Съ тѣмъ вмѣстѣ отпадетъ исключеніе для торговаго оборота и лишній поводъ поддерживать рознь между гражданскимъ и торговымъ правомъ. Это тѣмъ болѣе было бы полезно, что исключеніе, допущенное въ той формѣ, въ какой оно сдѣлано въ проектѣ, не удовлетворитъ и торговый оборотъ, который вправѣ предполагать возмездность займа и тогда, когда кредитъ оказывается торговцемъ неторговцу.

7. „Нанявшійся въ качествѣ приказчика въ торговомъ предпріятіи не вправѣ, безъ согласія нанимателя, отъ собственнаго своего имени вести самостоятельную торговлю, а также за собственный счетъ или за счетъ третьихъ лицъ заключать торговыя сдѣлки по той отрасли торговли, которою занимается хозяинъ“ (ст. 405). Отмѣтимъ прежде всего нѣкоторую неясность редакціи: въ первомъ случаѣ говорится вообще о самостоятельной торговлѣ, во второмъ случаѣ—о сдѣлкахъ по однородной торговлѣ. Если это сдѣлано намѣренно, то это слѣдовало бы объяснить въ запискѣ. Но объ этомъ ни слова.

Каковъ же мотивъ указаннаго запрещенія? „Веденіе приказникомъ самостоятельной торговли, заключеніе имъ по той отрасли, которою занимается хозяинъ, торговыхъ сдѣлокъ за собственный счетъ или за счетъ третьихъ лицъ не только лишаетъ хозяина возможности пользоваться тѣмъ временемъ приказчика, на которое онъ по договору имѣетъ право, но и наноситъ вредъ торговлѣ хозяина“ (т. II, стр. 321). Съ вѣрностью обоихъ мотивовъ нельзя не согласиться. Но развѣ эти соображенія примѣнимы только къ торговымъ предпріятіямъ? Почему они непримѣнимы къ управляющему имѣніемъ или всякимъ инымъ предпріятіямъ, кромѣ торговаго? Намъ кажется, что всякому нанявшемуся должно быть воспрещено такое занятіе, которое несомнѣнно съ обязанностями, принятыми имъ на себя по договору найма. слѣдовательно, всякому нанявшемуся должно быть запрещено не только веденіе торговли, но всякаго занятія, подходящаго подъ указанную формулу, напр. управленіе чужимъ домомъ. Отсюда видно, что ст. 405 требуетъ распространенія въ двухъ отношеніяхъ, причемъ ея торговый характеръ долженъ исчезнуть.

8. „Если собственникъ (торговаго, фабричнаго или иного промышленнаго) предпріятія выдастъ (?) довѣренность въ общихъ выраженіяхъ съ предоставленіемъ повѣренному права дѣйствовать во всемъ по своему усмотрѣнію..., то повѣренный признается имѣющимъ право

на совершение всякаго рода дѣйствій, сопряженныхъ съ производствомъ данной (торговли или) промысла“ (ст. 514). Такое правило можетъ быть вызвано обширностью предпріятія, совершающаго многочисленныя сдѣлки съ третьими лицами, которыя влѣдствіе того не имѣютъ возможности каждый разъ въ точности удостовѣряться въ объемѣ полномочія. Здѣсь на помощь приходитъ видимость. Все это вѣрно. Но причѣмъ тутъ торговый оборотъ? Развѣ теперь нѣтъ такихъ же обширныхъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ, напр. по производству молочныхъ продуктовъ? Сама редакция ст. 514 напрашивается на то, чтобы выбросить слова, поставленные нами въ скобки. Въ самомъ дѣлѣ „иное промышленное предпріятіе“ покрываетъ собою все остальное такъ же, какъ „промыселъ“ покрываетъ понятіе „торговли“. Съ расширеніемъ смысла ст. 514 уничтожится лишній поводъ къ торговымъ исключеніямъ.

Все сейчасъ сказанное относится въ равной мѣрѣ и къ ст. 534, гласящей: „довѣренность, выданная на (производство торговли или) управленіе (фабричнымъ или инымъ) промышленнымъ предпріятіемъ, не прекращается смертью довѣрителя“.

9. Наконецъ, послѣднее исключеніе, которое дѣлаетъ проектъ въ интересъ торговаго оборота — это усиленная отвѣтственность за вредъ, причиненный на желѣзной дорогѣ, фабрикѣ, заводѣ или горномъ промыслѣ (ст. 1087 и 1088). Но такъ какъ составители проекта явно ошибаются, относя эти постановленія къ „торговымъ исключеніямъ“ (объясн. зап., введеніе, стр. XXXVII), то объ этомъ не стоитъ и распространяться.

Изъ обзоренія тѣхъ отступленій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, которыя комиссія допустила, отъ нормъ общихъ въ сторону спеціально торговыхъ, можно было убѣдиться, что это бесполезный компромиссъ. Напротивъ, слѣдуетъ сдѣлать послѣдній, рѣшительный шагъ, остаться вѣрнымъ основной точкѣ зрѣнія, принятой проектомъ, и устранить всякую почву, на которой могла бы произрастать рознь между гражданскимъ и торговымъ правомъ. Это раздвоеніе пора сдать въ архивъ.

Г. Шершеневичъ.

Англо-Трансваальскій конфликтъ.

Sine ira et studio.

Кровавая распря, возгорѣвшаяся между Великобританіею и Южно-Африканскою республикою, приковываетъ къ себѣ взоры всего цивилизованнаго міра; съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за перипетіями этой борьбы — и даже для самаго поверхностнаго наблюдателя ясно, что общественное мнѣніе на сторонѣ буровъ.

Дѣйствительно, нападеніе сильнаго на слабого, гиганта на карлика всегда представляетъ отвратительную картину и какъ-то невольно привлекаетъ симпатіи на сторону слабѣйшаго и угнетеннаго.

Къ тому же, въ данномъ случаѣ, дѣло носитъ, на первый взглядъ, характеръ защиты со стороны маленькаго, но храбраго народа своихъ священныхъ правъ на независимость и свободу отъ грубаго насилія и произвола. Буря рисуются народомъ, живущимъ въ библейской простотѣ, далекимъ отъ всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые приносятъ съ собою цивилизація, Англія же — хищной птицей, жаждущей добычи и готовой заклевать всякаго, кто попадется ей въ когти.

Скажемъ сейчасъ же, что мы вовсе не сочувствуемъ поведенію британскаго правительства и нисколько не оправдываемъ его образа дѣйствія.

Вмѣшавшись во внутреннія дѣла Трансвааля, Англія несомнѣнно нарушила одно изъ коренныхъ началъ современнаго международнаго права, и съ этой точки зрѣнія политика ея заслуживаетъ полного порицанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы сильно сомнѣваемся, чтобы республика буровъ дѣйствительно соответствовала тому высокому понятію, которое себѣ составили о ней въ Европѣ. Едва ли это царство правды и справедливости, едва ли здѣсь процвѣтаютъ тѣ добродѣтели, о которыхъ съ умиленіемъ говорятъ ненавистники Англіи, — и едва ли поведеніе буровъ можетъ быть объяснено одной любовью къ свободѣ и независимости. Въ той трагедіи, которая разыгрывается передъ нашими глазами, главной пружиной, главнымъ мотивомъ и съ той и съ другой стороны является не принципъ, не идея, а матеріальные интересы.

Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ хотѣлось бы дать матеріалъ для выясненія истиннаго положенія вещей и съ точки зрѣнія принциповъ международнаго права обсудить законность англійскихъ притязаній.

Прежде всего я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ исторіи Трансвааля и о современномъ его государственномъ устройствѣ.

I.

Южно-Африканская республика основана была, какъ извѣстно, въ 30-хъ годахъ голландскими фермерами, эмигрировавшими изъ Капской колоніи. Врожденная любовь къ свободѣ, ненависть къ англійскому владычеству и, наконецъ, провозглашенное метрополіею освобожденіе невольниковъ — вотъ что побудило буровъ покинуть мѣста своей постоянной осѣлости и направиться къ сѣверу, въ мало доступныя долины Вааля и Лимполо. Въ 1852 году, трактатомъ, подписаннымъ у Песоч-

ной рѣки (Zandrivier), Англія предоставила имъ право управляться на основаніи собственныхъ законовъ и обычаевъ, и единственными условіями для признанія ихъ полной независимости поставила незаключеніе враждебныхъ ей — Англіи — договоровъ и освобожденіе невольниковъ.

Нельзя сказать, чтобы первые годы существованія новорожденной Африканско-Голландской республики ¹⁾ были особенно счастливы. Непривыкшіе къ политической самостоятельности и болѣе склонные къ полу-кочевому образу жизни, чѣмъ къ осѣдлому существованію, буры проводили все свое время въ неустанной и кровавой борьбѣ съ сосѣдними туземными племенами, весьма мало заботясь объ общегосударственныхъ дѣлахъ. Мѣстные власти — landdrast'ы или гражданскіе чиновники, военные начальники и ихъ помощники field-cornets — пользовались весьма малымъ авторитетомъ и были совершенно неспособны къ поддержанію какого бы то ни было порядка. Правда, въ 1858 году военнымъ совѣтомъ разработана была конституція (grouwet), но этотъ актъ, спѣшно и неумѣло составленный, весьма мало содѣйствовалъ умиротворенію страны и ея политическому устроенію. Въ 1862 году дѣло дошло до настоящей междуусобной войны. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ финансовое положеніе республики представляло весьма печальную картину — тѣмъ болѣе, что буры, питавшіе непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода сборамъ и налогамъ, ничего или почти ничего не вносили въ государственную казну. Въ 1876 году на Трансвааль надвинулась грозная туча: предводитель кафровъ Секоцѣни разбилъ буровъ на голову — и меньшая опасность грозила отъ многочисленнаго племени зулусовъ. Минута была критическая; и Англія не преминула ею воспользоваться. По порученію Капскаго генераль-губернатора, особый комиссаръ — сэръ Теофиль Шепстонъ — явился въ Преторію для производства анкета. Найдя страну въ состояніи полной анархіи и государственную казну пустою — кассовая наличность оказалась равною 3 шиллингамъ и шести пенсамъ — Шепстонъ, не долго думая, провозгласилъ 12 апрѣля 1877 года Трансвааль английскою колоніею. Официальными мотивами такого присоединенія были выставлены желаніе одарить республику либеральными учрежденіями, съ одной стороны, и стремленіе оградить туземцевъ отъ жестокаго обращенія буровъ — съ другой. Буры, по правдѣ сказать, отнеслись сперва довольно равнодушно къ постигшей ихъ судьбѣ, но когда вмѣсто обѣщанныхъ либеральныхъ учрежденій они увидѣли безпощадное выколачиваніе окладовъ и недоимокъ, жажда свободы въ нихъ вновь воз-

горѣлась. Въ 1880 году знамя возстанія было поднято Крюгеромъ, Преторіемъ и Жуберомъ, и английскимъ войскамъ были нанесены довольно серьезныя пораженія при Lainng'sneck и Matajuba-Hill. Министерство Гладстона рѣшило уступить; общественное мнѣніе въ Англіи было рѣшительно противъ насильственныхъ территориальныхъ приобрѣтеній — и къ тому же выяснилось, что Трансвааль стоитъ очень дорого, а приноситъ очень мало. Подъ влияніемъ этихъ соображеній — о судьбѣ туземнаго населенія, по странной случайности, весьма вовремя забыли — была заключена 3 августа 1881 г. конвенція въ Преторіи, вернувшая республикѣ часть ея прежней независимости. На основаніи этого акта „Трансваальскому штату“ гарантирована была внутренняя автономія; британское же правительство получило право содержать въ Преторіи резидента со слѣдующими полномочіями: а) исполненіе обязанностей консула и повѣреннаго въ дѣлахъ; б) надзоръ надъ обращеніемъ мѣстныхъ властей съ туземнымъ населеніемъ, и в) посредничество между республикой и иностранными державами. Внѣшнія сношенія Трансвааля поставлены были такимъ образомъ подъ безусловный контроль Англіи; между прочимъ, было постановлено, что всѣ трактаты заключаются и всѣ дипломатическія сношенія ведутся британскимъ представителемъ.

Такое положеніе вещей, однако, продолжалось недолго. Въ 1884 году была подписана новая конвенція, регулирующая и понынѣ отношенія между Англіею и Южно-Африканскою республикою. На основаніи этого акта связь между обоими государствами доведена до minimum'a. Мѣсто англійскаго резидента заступаетъ британскій чиновникъ съ полномочіями консульскаго агента. Внѣшнія сношенія республики освобождаются отъ опеки Великобританіи, и лишь въ отношеніи международныхъ трактатовъ допущено нѣкоторое изытаніе. На основаніи ст. 4 „республика не имѣетъ права заключать трактаты ни съ однимъ государствомъ, за исключеніемъ государства Оранжевой рѣки, націей или племенемъ на востокъ или западъ республики безъ одобренія ея величества королевы. Это одобреніе презумируется, если въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня полученія копій договора королевское правительство не заявитъ, что этотъ договоръ противенъ интересамъ Великобританіи или одного изъ ея южно-африканскихъ владѣній“.

Восьмидесятые годы составили эпоху для Трансвааля не только въ области отношеній его къ Англіи, но и въ исторіи его экономическаго развитія. Къ этому времени относится открытіе золотыхъ россыпей и вызванный этимъ неимоверный приливъ иностранцевъ, искателей благороднаго металла. Сперва довольно скромная, добыча золота быстро возросла и скоро поставила Трансвааль въ этомъ отношеніи на

¹⁾ Въ 1858 году республика получила названіе Южно-Африканской.

ряду съ Соединенными Штатами и Австраліей. Въ 1897 году изъ общей міровой добычи въ 357,363 килограмма на долю Трансваала выпало 86,719 кл. ¹⁾, что по разсчету 3,437 фр. за кл., составляет слишкомъ 298 миллионъ фр. Такимъ образомъ, въ настоящее время Рендъ (наиболѣе богатый золотомъ участокъ республики) занимаетъ, по количеству добываемаго золота, первое мѣсто въ мірѣ и выбрасываетъ на рынокъ около четверти всей міровой добычи.

Подобныя богатства, какъ бы упавшія съ неба, не могли не отразиться на всей государственной жизни Трансваала. Торгово-промышленный пульсъ забилъ ускореннымъ темпомъ, началась строительная и предпринимательская горячка, появились новые города, желѣзныя дороги, телеграфы—словомъ всё внѣшняя принадлежность цивилизации. Государственный бюджетъ достигъ небывалыхъ размѣровъ, съ 4 миллионъ фр. весьма быстро перешелъ на 110 миллионъ, и буры зажили беззаботною жизнью сытыхъ и довольныхъ собою *rentiers*. Чиновному персоналу были назначены громадныя оклады содержанія ²⁾ (соответствующій параграфъ трансваальскаго бюджета показываетъ цифру въ 25 миллионъ), деньги стали швыряться направо и налево и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, злоупотребленія достигли колоссальныхъ размѣровъ. Такъ, въ прошломъ году обнаружилось, что чиновникамъ выдано было въ разное время въ безконтрольное распоряженіе и въ видѣ авансовъ свыше 60 миллионъ франковъ ³⁾.

Эта маленькая „панاما“, впрочемъ, не произвела особеннаго впечатлѣнія на мѣстное населеніе: что значать 60 миллионъ, когда неизсякаемый источникъ денегъ подъ рукой и когда стоитъ только нажать пружину налоговой системы и дефициты будутъ пополнены! Въдѣ объектами обложенія являются не господа края, не буры, а пришлый элементъ, уитлэндеры. По свидѣтельству людей, близко знающихъ положеніе въ Трансваалѣ, буры и по сіе время не поборолі своего непреодолимаго отвращенія къ государственнымъ податямъ и повинностямъ. Вся тяжесть налогового бремени лежитъ поэтому на иностранцахъ, и если вспомнить, что изъ числа 250,000 чел., населяющихъ нынѣ Трансвааль, три четверти составляютъ уитлэндеры, то не трудно представить себѣ, какая часть 110-милліоннаго бюджета упадетъ именно на нихъ. Прибавьте ко

всему этому крайне деспотическое управленіе краемъ со стороны президента, окружившаго себя выписанными за высокое вознагражденіе изъ Голландіи чиновниками, произволъ администраціи и брезгливо-презрительное отношеніе населенія ко всему иноземному—и вы легко поймете, почему уитлэндеры стали добиваться свободы натурализаціи и искать себѣ поддержки повсюду, гдѣ только надѣялись ее найти.

II.

На основаніи закона 1882 года требовалось для пріобрѣтенія трансваальскаго подданства пятилѣтнее пребываніе въ предѣлахъ республики и уплата таксы въ размѣрѣ 25 ф. ст. При этомъ натурализація предоставляла всё гражданскія и политическія права. Такая система, однако, грозила въ близкомъ будущемъ произвести полное слияніе между туземнымъ и пришлымъ элементами. Этого всего менѣе и хотѣли буры—съ уменьшеніемъ числа уитлэндеровъ явно уменьшились бы и доходы—и для предотвращенія столь нежелательныхъ послѣдствій ими былъ избранъ слѣдующій путь. Закономъ 1890 года срокъ пребыванія былъ сокращенъ до двухъ лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ создана была вторая палата или *Volksraad* съ крайне ограниченной компетенціею. Подлежащая ея вѣдѣнію дѣла суть: горное дѣло, почта, телеграфъ, дорожное дѣло, охрана литературной и промышленной собственности, содержаніе лѣсовъ и соляныхъ копей, законодательство объ акціонерныхъ обществахъ и о несостоятельности, гражданскій и уголовный процессы и тѣ дѣла, которыя первый фольксраадъ признаетъ нужнымъ ему передать. Но и въ перечисленныхъ случаяхъ законы, прошедшіе во второмъ фольксраадѣ, могутъ быть измѣнены или вовсе отвергнуты первой палатою; эта послѣдняя, наконецъ, является исключительно компетентною во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Натурализація, пріобрѣтенная послѣ двухлѣтняго пребыванія въ республикѣ и регистраціи въ мѣстныхъ книгахъ (которыя, какъ говорятъ, ведутся весьма небрежно фильдь-корнетами), даетъ лишь активное выборное право во вторую палату; черезъ два года натурализованный получаетъ и пассивное право выбора. Что же касается перваго фольксраада, то правомъ избранія въ него пользуются лишь тѣ изъ натурализованныхъ, которые пробыли въ республикѣ 14 лѣтъ и достигли 40-лѣтняго возраста; да и то это право *можетъ* имъ быть дано фольксраадомъ послѣ особаго, для каждаго случая, обсужденія вопроса.

При такомъ положеніи вещей, естественно, что въ рядахъ уитлэндеровъ все громче и громче стали раздаваться голоса, требующіе отміны закона 1890 г. Въ 1892 году образовался даже въ Йоганнесбургѣ особый „національный союзъ Трансваала“, но всё его домогательства окон-

¹⁾ Report of the Director of the mint upon the production of the precious metals in the United States. 1898, p. 360—361.

²⁾ Самъ Крюгеръ получаетъ содержаніе въ размѣрѣ 175.000 фр. плюсъ весьма значительная сумма на представительство („Кофе“). Секретныя фонды, отпущаемыя ежегодно правительству, равны 17 мил.

³⁾ E. Naville, La question du Transvaal, Genève 1899.

чились полною неудачею. Точно также и представленные въ 1894 и 1895 годахъ петиціи фольксрааду были съ презрѣніемъ отвергнуты бурами. Пришлось искать помощи на сторонѣ — и этимъ настроеніемъ умовъ не замедлила воспользоваться Англія.

Съ тѣхъ поръ, какъ добыча золота въ Трансваалѣ достигла значительныхъ размѣровъ, судьба республики стала живо интересоваться сенъ-жемскій кабинетъ. Въ 1889 году основана была южно-африканская компанія, получившая исключительное право оккупировать и колонизировать всѣ земли на западъ отъ португальскихъ владѣній и на сѣверъ и западъ отъ южно-Африканской республики. Дѣла компаніи въ весьма короткій срокъ достигли цвѣтущаго положенія, районъ ея дѣйствій расширился и, подбодряемый непокидавшей его доселѣ удачею, сэръ Цециль Родсъ (директоръ-распорядитель общества и премьеръ-министръ Капской области) сталъ коситься на внезапно разбогатѣвшую со-сѣдку. Результатомъ этихъ вождедѣній явился траги-комическій походъ доктора Джемсона, одного изъ агентовъ компаніи. Буры, какъ извѣстно, съ большою легкостью отразили нападеніе, и Джемсонъ понесъ заслуженное, хотя и несоразмѣрно легкое, наказаніе. Всѣмъ стало ясно, что общественное мнѣніе Англіи видитъ въ немъ героя и что онъ самъ былъ лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Ц. Родса и Чэмберлена.

Печальная экспедиція Джемсона, однако, оказалась для Капскаго премьеръ-министра источникомъ большихъ затрудненій. Партія африкандеровъ одержала въ Капскомъ парламентѣ рѣшительную побѣду и министерство Гордона Спригга (Sprigg), истиннымъ главою и вдохновителемъ котораго былъ самъ Ц. Родсъ, должно было уступить мѣсто министерству, состоящему изъ сторонниковъ Afrikander Bond. Это было тѣмъ непріятнѣе директору-распорядителю компаніи, что ему необходимо было превратить долгъ „Chartered“, равняющійся въ настоящее время 1.300 милліонамъ франковъ, въ фундированный государственный долгъ¹⁾. А это было возможно лишь при сляніи Родезіи (территоріи компаніи) съ какимъ-нибудь государствомъ.

17-го мая телеграмма изъ Преторіи извѣстила о томъ, что 7 англійскихъ офицеровъ арестованы въ Йоганнесбургѣ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ. Вслѣдъ затѣмъ выяснилось, что цѣль заговора заключалась въ томъ, чтобы захватить Йоганнесбургъ и выждать прибытія подкрѣпленія изъ Наталя. При этомъ оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что главною пружиной всей махинаціи является опять-таки Ц. Родсъ и скрывающійся за нимъ м-ръ Чэмберленъ.

Для улаженія всѣхъ накопившихся недора-

зумѣній было устроено свиданіе въ Блѣмфон-тэнѣ между губернаторомъ Капской колоніи сэромъ А. Мильнеромъ и президентомъ Южно-Африканской республики Крюгеромъ. Само собою разумѣется, что главнымъ предметомъ совѣщанія явился вопросъ объ уитлэндерахъ. Съ англійской стороны было предложено: 1) чтобы пятилѣтняя резиденція въ предѣлахъ республики давала активное выборное право; 2) чтобы населеніе горнопромышленнаго района было представлено въ фольксраадѣ и 3) чтобы натурализація влекла за собою ipso jure активное право выбора. Крюгеръ, съ своей стороны, представилъ проектъ закона (вотированный вскорѣ затѣмъ законодательнымъ собраніемъ), на основаніи котораго для натурализаціи требуется 7-ми-лѣтнее пребываніе въ странѣ и 12-ти-лѣтнее для пріобрѣтенія политическихъ правъ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ условіемъ, sine qua non, для какаго бы то ни было соглашенія, признаніе со стороны Англіи принципа обязательнаго арбитража для разрѣшенія всѣхъ личныхъ и могущихъ возникнуть недоразумѣній между обоими правительствами.

Переговоры, какъ извѣстно, ни къ какому результату не привели.

III.

Таковы факты. Внимательный анализъ ихъ показываетъ, что истиннымъ яблокомъ раздора являются богатые мѣсторожденія золота, тѣ милліоны, которые можно извлечь изъ золотоносной почвы Трансваала. До открытія золотыхъ приисковъ Англія весьма равнодушно относилась къ этому забытому уголку земного шара, и лишь за самое послѣднее время, когда добыча золота достигла серьезныхъ размѣровъ, снова всплыли гуманные принципы и отеческая заботливость объ иностранцахъ. Со своей стороны правительство буровъ ревниво оберегаетъ свои богатства и готово на всякія жертвы лишь бы не допустить уитлэндеровъ къ участию въ управленіи и законодательствѣ.

Однако, имѣетъ ли вмѣшательство Англіи въ данномъ случаѣ какое-нибудь законное, юридическое основаніе?

Рѣшаемся утверждать, что никакого.

Взаимныя отношенія между республикою и Великобританіею регулируются, какъ я выше упомянулъ, конвенціею 1884 г. Юридически связь между обоими государствами настолько слаба, что многіе писатели склонны признавать Трансвааль совершенно самостоятельнымъ членомъ междунаrodnаго общенія (напр. V. Liszt²⁾). На самомъ дѣлѣ всѣ трактаты заключаются отъ имени республики и ею самою, правомъ

¹⁾ См. интересную статью J. N. Franklin, въ Questions diplomatiques et consulaires № 57, p. 293 et suiv.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, эти права могутъ быть пріобрѣтены и послѣ 7-ми-лѣтней резиденціи.

²⁾ Völkerrecht, 1899, S. 33.

участія въ международномъ концертѣ она пользуется наравнѣ съ другими державами, а во внутреннихъ дѣлахъ она безусловно самостоятельна. Тѣмъ не менѣе узаконенный ст. 4 конвенціи *modus vivendi* — контроль Англіи надъ заключаемыми республикою трактатами — на нашъ взглядъ даетъ скорѣе основаніе причислить Трансвааль къ государствамъ, находящимся подъ протекторатомъ¹⁾, ибо извѣстное подчиненіе внѣшнихъ сношеній чужой государственной власти и составляетъ обыкновенно отличительный признакъ протектората или покровительства. Но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы Англіи принадлежало какое бы то ни было право надзора или опеки надъ внутреннею политикою республики. Королевское правительство можетъ утвердить или не утвердить тотъ или иной трактатъ — и больше ничего. Всякое другое воздѣйствіе на буровъ противорѣчить буквѣ и духу конвенціи, и должно обсуждаться на основаніи общихъ началъ и нормъ международного права.

Но, скажутъ намъ, бываютъ такіе случаи, когда вмѣшательство во внутреннія дѣла государства считается вполнѣ законнымъ: не можетъ ли поведеніе Англіи быть рассмотрѣно какъ осуществленіе права интервенціи? На этомъ пунктѣ, какъ составляющемъ ядро вопроса (отъ теоріи вассальности Трансвааля Англія, сколько можно усмотрѣть изъ обнародованной переписки, сама отказалась), я позволю себѣ теперь остановиться.

Начало невмѣшательства, сравнительно, недавняго происхожденія. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія „право“ вмѣшательства или интервенціи считалось непреложною истиною и въ сущности вся политика священнаго союза была сплошнымъ проведеніемъ на практикѣ этого принципа²⁾. Но съ особою энергіею съ такимъ положеніемъ вещей стала бороться именно Англія. Протестовала она противъ вмѣшательства въ итальянскія дѣла; не одобрила она и резолюцій, принятыхъ въ 1822 году на Веронскомъ конгрессѣ, и когда французскія войска вторглись въ предѣлы Испаніи, Canning торжественно заявилъ, что „the principle on which the British government so earnestly deprecated the war against Spain was that every nation has the right to change or to modify its internal relations“.

Точка зрѣнія Англіи съ теченіемъ времени одержала верхъ. Невмѣшательство стало общимъ правиломъ, а независимость и внутренняя автономія членовъ международного общенія — непреложнымъ принципомъ. И въ такой перемѣнѣ взглядовъ нельзя не видѣть, по справедливому

замѣчанію проф. Мартенса, великаго завоеванія на пользу права¹⁾.

Однако сколь ни высоко и ни важно само по себѣ начало независимости государства, возможны такіе случаи, когда защита еще большаго блага, еще болѣе священнаго принципа требуютъ, чтобы правительство не оставалось индифферентнымъ къ тому, что происходитъ въ другомъ государствѣ. Такъ напр., дѣйствія кого-нибудь изъ членовъ международного общенія могутъ грозить опасностью для цѣлости и самостоятельности другого: послѣдній въ этомъ случаѣ можетъ и долженъ вмѣшаться, онъ защищаетъ свою жизнь, свою свободу; оно находится въ состояніи крайней необходимости. Какъ справедливо замѣчаетъ Геффкенъ, „das Recht der Autonomie reicht nur so weit, als das Recht Anderer nicht schädigt“²⁾. Затѣмъ, согласно весьма распространенному воззрѣнію, вмѣшательство допустимо еще въ тѣхъ случаяхъ, когда оно вызывается интересами международного общенія. Внѣ этихъ случаевъ интервенція есть *laesio juris*, правонарушеніе.

Возвращаясь къ поведенію Англіи по отношенію къ Южно-Африканской республикѣ, мы, на основаніи сказаннаго, не можемъ не прійти къ заключенію, что всѣ домогательства первой лишены всякой законной почвы. Дѣйствія правительства республики, очевидно, не грозили никакой опасностью для Великобританіи; едва ли также интересы международного общенія особенно затронуты тѣмъ или инымъ положеніемъ уитлэндеровъ. И если бы дѣйствительно эти послѣдніе озабочивали сенъ-джемскій кабинетъ, то легко можно было найти другой путь для воздѣйствія на буровъ — путь вполнѣ легальный и цѣлесообразный. Въ англійскомъ подданствѣ состоитъ лишь часть уитлэндеровъ, между тѣмъ среди трансваальскихъ искателей золота находятся представители всѣхъ національностей. Если бы Англія имѣла въ виду только судьбу иноземцевъ въ Рендѣ, то что же ей мѣшало, выяснивъ истинное положеніе вещей, сообщить объ этомъ прочимъ европейскимъ правительствамъ, создать конференцію и т. п.? Голосу Европы не могли бы не внять трансваальскія власти, и отъ этого выиграли бы какъ право и справедливость, такъ и сами уитлэндеры.

Но, какъ ясно доказали событія послѣднихъ годовъ, уитлэндеры были лишь предлогомъ: истинною причиною вмѣшательства Англіи является стремленіе овладѣть трансваальскимъ золотомъ, плодоноснымъ Рендомъ. Всѣ высокія фразы о гуманности по отношенію къ мѣстному населенію, о справедливости и правѣ плохо прикрываютъ самыя низменныя и корыстныя побужденія.

Если бы Чемберленъ былъ убѣжденъ, что

¹⁾ На этой точкѣ зрѣнія стоятъ, напр., de Louter Revue de droit international, 1896, p. 117. Rivier, Principes du droit des gens, I, 1896, p. 84.

²⁾ Папа до сихъ поръ держится начала вмѣшательства, см. Syllabus errorum 8 дек. 1864 г., positio 62 (Rivier, op. cit., I, 391).

¹⁾ Соврем. междунар. право, I, § 76.

²⁾ Holtzendorf's Handbuch des Völkerrechts, IV 134.

право на его сторонѣ, развѣ онъ уклонился бы отъ разрѣшенія вопроса третьей стороной?

Кончаю. Своимъ поведеніемъ Англія нанесла сильный ущербъ — идейный, конечно — всему цивилизованному міру. Картина насилія всегда развращающимъ образомъ дѣйствуетъ какъ на свидѣтелей этого насилія, такъ и на причиняющихъ его. Ущербъ нанесенъ тому самому дѣлу, которому, будто бы, служить Англія. Положеніе уитлэндеровъ, несомнѣнно, нуждалось въ реформѣ, ихъ притязанія во многомъ были справедливы и жалобы на установившійся въ Трансваалѣ режимъ основательны. Между тѣмъ нынѣ всѣ за буровъ и всѣ противъ Англіи; забываются неприглядныя стороны государственной жизни республики и все затмевается тѣмъ колоссальнымъ преступленіемъ противъ международнаго права, на которое рѣшилась Великобританія. Наконецъ, война, возникшая въ то время, когда не успѣло еще умогнуть эхо Гаагской конференціи, глубоко оскорбляетъ внутреннее чувство всѣхъ друзей мира и прогресса. Зачѣмъ было Англіи принимать участіе въ этомъ великомъ праздникѣ гуманности и любви? Зачѣмъ ея делегатамъ было говорить благородныя рѣчи? Зачѣмъ понадобилось волку явиться въ личинѣ ягненка?

Англія — страна съ великимъ прошлымъ. Не разъ она являлась поборницей свободы, гуманности и справедливости. Нельзя не скорбѣть о томъ, что ея государственные люди рѣшились вписать позорную страницу въ лѣтопись родной страны.

Л. Шалландъ.

Примѣненіе 2 ч. 229 ст. улож. о нак. на практикѣ.

Предметомъ настоящей замѣтки является одна изъ статей уложенія о наказаніяхъ, порождающая на практикѣ нѣкоторыя недоразумѣнія относительно своего примѣненія.

Правда, уложеніе о наказаніяхъ находится въ настоящее время наканунѣ отмѣны; правда и то, что неудачное постановленіе 229 статьи нынѣ дѣйствующаго уложенія не сохранится въ будущемъ уголовномъ кодексѣ¹⁾. Тѣмъ не менѣе мы осмѣливаемся думать, что предлагаемая замѣтка не лишена интереса, въ особенности, если принять во вниманіе, что, пока будущее уложеніе начнетъ дѣйствовать, на практикѣ неодно-

¹⁾ Проектъ уголовного уложенія разсматриваетъ церковное воровство лишь какъ разновидность кражи вообще и помѣщаетъ его, подобно новѣйшимъ европейскимъ кодексамъ, въ отдѣлѣ, трактующемъ о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ (ст. 490—496; преимущественно ст. 494), а не въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ вѣры, подобно дѣйствующему уложенію.

кратно будутъ возникать сомнѣнія относительно толкованія 2 ч. 229 статьи дѣйствующаго уложенія.

Приведемъ подлинный текстъ означеннаго постановленія:

За похищеніе изъ церкви не принадлежащихъ къ церковному имуществу денегъ или вещей, когда сіе учинено безъ оскорбленія святыни, виновные подвергаются наказаніямъ, за кражу опредѣленнымъ“¹⁾.

Въ уставѣ о наказаніяхъ находимъ соответствующее постановленіе въ 170 статьѣ, которая (п. 1) гласитъ: „опредѣленное въ ст. 169 тюремное заключеніе²⁾ можетъ быть увеличено до одного года: когда кража совершена въ церкви, часовнѣ, или иномъ молитвенномъ домѣ (однако не церковнаго имущества и безъ оскорбленія святыни)...“

Сопоставивъ содержаніе приведенныхъ статей, мы, повидимому, должны прійти къ заключенію, что, согласно точному смыслу ихъ, похищеніе изъ церкви, часовни или иного молитвеннаго дома денегъ и вещей, не принадлежащихъ къ церковному имуществу (стоимостью не выше 300 рублей) есть простая кража.

Попытаемся провѣрить свой выводъ примѣромъ, имѣющимъ мѣсто въ практикѣ одного суда.

Лицо А, во время совершения богослуженія въ церкви тайно похитило изъ блюда, стоявшаго на столѣ, одинъ рубль изъ числа денегъ, пожертвованныхъ на церковь, но въ книгу еще не записанныхъ, причѣмъ похитителемъ оказался крестьянинъ.

Спрашивается, кому подсудно дѣло о такой кражѣ: мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ?

Иначе говоря, считать ли похищеніе, имѣвшее мѣсто въ приведенномъ случаѣ, простою кражею или святотатствомъ?

Дабы правильно разрѣшить поставленный нами вопросъ, необходимо выяснить, что разумѣть подъ понятіемъ святотатства нынѣ дѣйствующее уложеніе о наказ. По уложенію святотатствомъ признается всякое похищеніе *церковныхъ вещей и денегъ* какъ изъ самыхъ церквей, такъ и изъ часовенъ, ризницъ и другихъ постоянныхъ и временныхъ церковныхъ хранилищъ, хотя бы онѣ находились и внѣ церковнаго строения³⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что наше уложеніе для состава святотатства требуетъ, чтобы предметомъ похищенія были вещи, *уже поступившія въ имуществъ церковное*, т. е. недостаточно одного предназначенія вещи на церковь, а необходимъ дѣйствительный переходъ ея въ собственность церкви.

Болѣе или менѣе точный критерій для опредѣленія момента такого перехода установить трудно. Въ частности, что касается денегъ, слѣдуетъ замѣтить, что по своду законовъ (изд. 1832 и 1842 гг.) утайка

¹⁾ 2 ч. 229 ст. улож. о наказ.

²⁾ За кражу предмета цѣною не выше 300 руб.

³⁾ Ст. 219. Понятіе святотатства по уложенію обнимаетъ и похищеніе завѣдомо священныхъ или чрезъ употребленіе при богослуженіи освященныхъ предметовъ изъ *частнаго дома или орнаго мѣста* (ст. 231).

денегъ, поданныхъ на свѣчи, считалась святотатствомъ.

Уложение же ¹⁾ отмѣнило это постановленіе, чѣмъ и показало, что склонно ограничить предѣлы преступленія, именуемаго святотатствомъ.

Нѣсколько иначе смотрѣла на этотъ вопросъ судебная практика прежняго времени.

Въ царствованіе Императора Александра I имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: церковный сторожъ сообщилъ протоіерею церкви, что нищая утаивала деньги, данныя ей на свѣчу, но не привелъ въ подтвержденіе своего заявленія никакихъ доказательствъ. Протоіерей, дабы удостовѣриться въ справедливости обвиненія, далъ нищей 26 коп. на свѣчу, и оказалось, что она ихъ утаила. Во время посѣщенія сенаторомъ Безобразовымъ тюремъ, въ бытность его гражданскимъ губернаторомъ въ Тамбовѣ, одна бѣдная старуха, какъ оказалось впоследствии—та самая нищая, бросилась ему въ ноги, умоляя спасти ее отъ наказанія кнутомъ и ссылки въ каторгу за утайку упомянутыхъ 26 коп. мѣдью, данныхъ ей на свѣчу. Такое ходатайство вызвало особое вниманіе со стороны сенатора Безобразова; но онъ не могъ найти другого средства къ облегченію участи нищей, какъ признать, что крайняя нужда и бѣдность смягчаютъ ея вину. Бывшій въ то время испр. долж. оберъ-прокурора Мансуровъ не согласился съ мнѣніемъ сенаторовъ, признававшихъ наличность святотатства въ данномъ случаѣ, и въ предложеніи далъ совершенно другой оборотъ дѣлу, доказывая, что имѣвшая мѣсто въ приведенномъ случаѣ утайка не есть святотатство, а простая кража, совершенная въ церкви и притомъ по крайней нуждѣ и нищетѣ.

Дѣло поступило въ государственный совѣтъ, гдѣ и было рѣшено согласно съ мнѣніемъ Мансурова ²⁾.

Затѣмъ, въ 1873 году Правительствующій Сенатъ въ двухъ рѣшеніяхъ призналъ, согласно съ заключеніемъ Святышаго Синода, что деньгами, поступившими въ церковное имущество, слѣдуетъ считать только тѣ, кои записаны въ церковныя книги и внесены въ кладовую или ризницу для храненія за ключами церковнаго старосты и печатями какъ его, такъ и священно или церковнослужителей. Поэтому деньги, выручаемыя при продажѣ свѣчъ, собираемыя отъ добродѣтельныхъ дателей въ кошельки и кружки и хранящіяся въ ящикахъ за ключами церковнаго старосты, слѣдуетъ признать только данными на церковь, почему виновные въ кражѣ сихъ денегъ подлежатъ отвѣтственности, опредѣленной не въ специальныхъ статьяхъ закона о святотатствѣ, а по законамъ о кражѣ ³⁾. Имѣя въ виду столь категорическое разъясненіе Сената по разсматриваемому вопросу, мы не можемъ отрѣшиться отъ

мысли, что въ приведенномъ нами примѣрѣ идетъ рѣчь не о святотатствѣ, а имѣеть мѣсто кража (на сумму менѣе 300 рублей) денегъ, не принадлежащихъ церкви—*res profana*, которая хотя и совершена въ самой церкви, тѣмъ не менѣе исключается уложеніемъ изъ понятія святотатства и причисляется къ видамъ кражи, сопровождающейся увеличивающимъ вину обстоятельствомъ ¹⁾. Повидимому, и дѣла о подобныхъ кражахъ должны быть разрѣшаемы по существу мировыми судебными установленіями. Но это лишь повидимому. Существованіе 2 ч. 229 ст. улож. о нак. на ряду съ 1 п. 170 ст. уст. о нак. не вызываетъ никакихъ затрудненій при толкованіи области ихъ примѣненія; возникаетъ лишь вопросъ объ излишнемъ существованіи 2 ч. 229 статьи и только, что, въ свою очередь, отнюдь не препятствуетъ правильному отправленію правосудія. Но достаточно поглубже заглянуть въ уставъ о наказаніяхъ и мы встрѣтимъ слѣдующее постановленіе, совершенно измѣняющее подсудность подобныхъ дѣлъ. Статья 181, между прочимъ, гласитъ: „наказаніе за кражу... опредѣляется виновнымъ по приговорамъ *общихъ судебныхъ мѣстъ*: когда она совершена лицами другихъ сословій (т. е. не дворянами, священнослужителями, монашествующими или почетными гражданами) въ третій, или хотя и въ первый или второй разъ, но на сумму свыше трехсотъ рублей, или *при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ въ 220—231 и др. ст. уложенія о наказаніяхъ* ²⁾).

Обращаясь къ содержанію 220 и слѣдующихъ (до 231) статей, мы находимъ, что этими статьями уложеніе предусматриваетъ виды святотатства и самую наказуемость послѣдняго степенить по различнымъ основаніямъ.

При внимательномъ сравненіи содержанія 181 ст. уст. о нак. и статей уложенія, на которыя сдѣлана ссылка, нельзя не замѣтить, что включеніе уставомъ въ означенную ссылку ³⁾ статьи 229 улож. не выдерживаетъ критики и влечетъ за собою слѣдующія послѣдствія.

Руководствуясь точнымъ смысломъ 2 п. 181 ст. устава и вышеозначенной ссылки, необходимо признать, что наказаніе за кражу изъ церкви вещей или денегъ, къ церковному имуществу не принадлежащихъ (безъ оскорбленія святыни), хотя бы таковая была совершена лицами другихъ сословій въ первый или второй разъ и на сумму до трехсотъ рублей, опредѣляется виновнымъ по приговорамъ *общихъ судебныхъ установлений*. Иначе говоря, дѣла о подобныхъ кражахъ подсудны окружнымъ судамъ.

Такимъ образомъ, благодаря существованію 181 ст. уст. о нак., мы пришли къ противоположному выводу.

Каждый замѣтитъ противорѣчіе, существующее въ постановленіяхъ двухъ уголовныхъ кодексовъ по вопросу, составляющему предметъ настоящей замѣтки. Статья 181 (п. 2) устава о наказ. не согласована съ 229 ст. уложенія о наказаніяхъ. Въ то время, какъ путемъ логическаго толкованія 229 (ч. 2) статьи уло-

¹⁾ 2 ч. 229 ст., ст. 1659 п. I улож. о наказ. и ст. 170 п. I уст. о наказ.

²⁾ П. 2-й.

³⁾ 220—231 ст. ул. о нак.

¹⁾ Изд. 1845 г. авг. 15 (п. с. з. № 19283), ст. 251; ср. изд. св. зак. 1857 г. т. XV ст. 263; изд. 1866 и 1885 гг. ст. 229 (ч. 2); ср. и п. 18 Высочайше утвержд. мн. Госуд. Совѣта 27 декабря 1865 года.

²⁾ Калмыковъ. Учебникъ уголовного права, изд. 1866 г., стр. 493, прим.

³⁾ Рѣш. общ. собр. кас. деп. и общ. собр. 1-го и кас. деп. 1873 г. октября 29 № 30 по дѣлу Калабина и рѣш. угол. кас. деп. 1873 г. октября 26 ноября 2, № 868 по дѣлу Баринава.

женія и 1 п. 170 статьи устава о наказаніяхъ мы пришли къ заключенію о подсудности разсматриваемаго дѣла мировому судѣ, на основаніи точнаго смысла той же 229 ст. уложенія и 181 статьи (п. 2) устава о наказаніяхъ должны признать то же дѣло подсуднымъ окружному суду.

Приведенный фактъ вызываетъ удивленіе въ особенности, если принять во вниманіе, что еще въ 1865 году мнѣніемъ Государственнаго Совѣта признано было необходимымъ согласовать 263 ст. уложенія изд. 1857 г. ¹⁾ съ 170 ст. устава о наказ. ²⁾, въ виду чего и содержаніе ихъ лишено противорѣчій; но тѣмъ же Высочайше утвержденнымъ 27 декабря 1865 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта сохранена 181 статья устава о наказаніяхъ ³⁾, согласно которой наказаніе за кражу изъ церкви денегъ и вещей, къ церковному имуществу не принадлежащихъ, хотя бы таковая была совершена въ первый разъ и на сумму до 300 рублей, опредѣляется виновнымъ по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ ⁴⁾.

Подобный анахронизмъ въ постановленіяхъ уложенія и устава о наказ. по изслѣдуемому вопросу ведетъ къ частымъ недоразумѣніямъ на практикѣ и тормозитъ правильное отправленіе правосудія: возникаютъ пререканія о подсудности дѣлъ; но устранить его возможно путемъ лишь исключенія 229 статьи изъ уложенія или изъ числа статей, поименованныхъ во 2 п. 181 ст. устава и предусматривающихъ обстоятельства, служащіе основаніемъ для опредѣленія подсудности дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ: тогда только исчезнетъ противорѣчіе въ постановленіяхъ двухъ уголовныхъ кодексовъ по разсматриваемому вопросу; тогда не будутъ появляться обвинительные акты по означеннымъ дѣламъ, равно какъ и не будутъ имѣть мѣста пререканія о подсудности ихъ, благодаря чему подсудный, въ свою очередь, будетъ освобожденъ отъ излишней проволочки въ постановленіи приговора, а дѣло о немъ разрѣшитъ мировой судья.

При настоящемъ же положеніи вещей и при оставленіи въ силѣ выше цитированныхъ постановленій уголовныхъ кодексовъ, мы готовы признать болѣе цѣлесообразною и согласною съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ практику тѣхъ окружныхъ судовъ, которые не принимаютъ къ своему производству означенныхъ

дѣлъ, а, съ другой стороны, тѣхъ мировыхъ судебныхъ установлений, которыя разрѣшаютъ ихъ непосредственно. Такая практика находитъ свое оправданіе и въ рѣшеніи Сената, который, высказавъ взглядъ о подсудности означенныхъ дѣлъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду постановленіе 181 ст. устава, преисполненное противорѣчій ¹⁾.

Н. Товстольскъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Диффамация.

Изъ предложеннаго Тифлисской суд. палаты обвинительнаго акта усматривается, что въ № 110 газеты „Тифлисскій Листокъ“, вышедшемъ 13 мая 1898 г., за подписью редактора-издателя Х. Г. Хачатурова, помѣщена была статья, озаглавленная „ни о комъ и ни о чемъ“, слѣдующаго содержанія: „Во второмъ классѣ мчавшагося изъ Тифлиса поѣзда оживленно толковали о Тифлисской злобѣ дня. Помилуйте, кто же не знаетъ этого негодая? Это человекъ, для котораго жаль мѣста даже на Сахалинѣ. Въ Батумѣ онъ форменно проворовался, но такъ ловко вывернулся, что его перевели на другое, чуть ли не лучшее, мѣсто. Въ городскомъ клубѣ его публично въ глаза называли воромъ, мерзавцемъ, и онъ все хладнокровно выслушивалъ, ухмылялся, обращая въ шутку, — аттестовалъ его батумскій интеллигентъ. — „Хуже онъ зарекомендовалъ себя въ Ахалцыхъ. Его дважды исключали изъ городского клуба, какъ вора и порочнаго человека“, отозвался акцизный чиновникъ, служившій въ Ахалцыхъ. — „Въ г. Шушѣ ему тоже было поручено одно общественное дѣло, и онъ тоже въ немъ проворовался“, — сообщилъ третій собесѣдникъ. Рѣчь шла объ одной центральной фигурѣ одной злобы дня, и случайно сошедшіеся въ вагонѣ желѣзной дороги люди изъ разныхъ сферъ и положеній высказывали о ней одинаково вельсестныя мнѣнія. А онъ все продолжаетъ роль играть и надъ честными труженниками главенствовать“. Далѣе, въ этой статьѣ помѣщена выдержка изъ судебного отчета по дѣлу Думбадзе и приведены показанія на судѣ свидѣтелей Гроздова и Богданова.

По поводу приведенной статьи инспекторъ народныхъ училищъ Тифлисской губерніи, статскій совѣтникъ Богдановъ, въ прошеніяхъ, на имя прокурора Тифлисской судебной палаты принесенныхъ 5 и 21 іюля 1898 г., изложилъ, что всю первую часть этой статьи онъ относитъ къ себѣ, такъ какъ 1) въ ней говорится, что упоминаемое лицо въ Батумѣ, Ахалцыхъ и Шушѣ извѣстно было населенію за вора и мошенника, котораго въ Ахалцыхъ два раза исключали изъ общественнаго клуба, и несмотря на это переводили чуть ли не на лучшія мѣста. Очевидно, рѣчь идетъ о должностномъ лицѣ, которое можетъ быть переводимо только по волѣ начальства, между тѣмъ, именно онъ, Богдановъ, состоялъ инспекторомъ мѣстныхъ городскихъ училищъ въ Шушѣ, Батумѣ и Ахалцыхъ и, по роду своей службы, принималъ мѣры къ сбору пожертвованій среди мѣстнаго населенія для организаціи при училищахъ профессиональныхъ отдѣленій по разнымъ отраслямъ

¹⁾ Она и измѣнена мнѣніемъ Госуд. Совѣта, въ какомъ видѣ буквально и составила 229 ст. (ч. 1 и 2) нынѣ дѣйствующаго уложенія.

²⁾ По содержанію тождественно съ 170 статьею нынѣ дѣйствующаго устава.

³⁾ Она гласитъ: 1) „Наказаніе за кражу, мошенничество и присвоеніе или растрату чужаго имущества опредѣляется виновнымъ по приговорамъ общихъ судебныхъ мѣстъ... 2) когда они совершены лицами другихъ сословій въ третій разъ, или хотя, и въ первый или второй разъ, но на сумму свыше 300 рублей, или при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ въ 254—262, 263 (ч. 2)... и др. ст. уложенія“.

⁴⁾ См. Высоч. утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта 27 декабря 1865 г. о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—п. 18 и др..., изложенное въ 4-й части объяснительной записки къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., стр. 97 и ср. стр. 79.

¹⁾ Рѣш. общ. собр. кас. деп. и общ. собр. 1-го и кас. деп. за 1873 г. октября 29 № 30 по дѣлу Калябина.

сельскаго хозяйства или для изученія ремесла, а также состоялъ членомъ мѣстныхъ клубовъ. 2) Во второй части замѣтки прямо говорится, что рѣчь въ ней идетъ объ одной центральной фигурѣ дня, которая выступала на сцену по дѣлу Думбадзе и, несмотря на позорное прошлое, продолжаетъ главенствовать надъ честными тружениками, а въ означенномъ дѣлѣ участвовали только онъ и Гроздовъ—директоръ народныхъ училищъ, и изъ нихъ двоихъ только онъ служилъ въ городахъ: Шушѣ, Батумѣ и Ахалцыхѣ, изъ чего несомнѣнно, что газетное сообщеніе касается именно его. Признавая упомянутую замѣтку оскорбительною для своей чести и служебнаго достоинства, Богдановъ просилъ о возбужденіи противъ редактора газеты „Тифлисскаго Листка“ преслѣдованіе по 1039 ст. улож. о нак., и къ прошеніямъ своимъ, кромѣ № 110 названной газеты, въ оправданіе своей служебной дѣятельности, приложилъ нѣсколько документовъ, устанавливающихъ порядокъ и правильность расходванія денежныхъ благотворительныхъ суммъ на нужды учебныхъ заведеній, а также и копію съ донесенія Ахалцыхскаго уѣзднаго начальника на имя Тифлисскаго губернатора отъ 22 мая 1898 г., за № 33 о томъ, что Богдановъ за время служенія своего въ Ахалцыхѣ, въ періодъ съ 1889 по 1892 г., состоялъ членомъ клуба и вовсе не былъ исключенъ изъ него.

Вслѣдствіе сего къ Х. Г. Хачатурову предъявлено обвиненіе по 1039 ст. ул. о нак.

На судебномъ слѣдствіи Богдановъ, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля подъ присягой, подтвердилъ сущность и основанія поданныхъ имъ прошеній и представилъ нѣсколько новыхъ документовъ, устанавливающихъ правильность расходванія денежныхъ суммъ на нужды вѣрренныхъ его попеченію и надзору училищъ и свидѣтельствующихъ о его полезности и усердной службѣ въ должности инспектора Шушинскаго, Батумскаго и Ахалцыхскаго городскихъ училищъ.

Избранный Христофоромъ Хачатуровымъ защитникъ, Иванъ Хачатуровъ не призналъ своего клиента виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, отрицая всякое отношеніе оглашенныхъ въ упомянутой статьѣ позорящихъ обстоятельствъ къ личности инспектора народныхъ училищъ Богданова.

Судебная палата нашла, что въ первой части означенной статьи нѣтъ прямого указанія на это лицо, но въ ней говорится о тифлисской злобѣ дня и объ одной центральной фигурѣ этой злобы, а затѣмъ въ трехъ слѣдующихъ частяхъ приводятся характерныя черты изъ процесса учителя народной школы Думбадзе и выставляются двое изъ свидѣтелей по этому дѣлу: Гроздовъ—директоръ народныхъ училищъ Тифлисскаго губерніи, и Богдановъ—инспекторъ тѣхъ же училищъ.

Если сопоставить первую часть статьи съ тремя остальными и принять во вниманіе роль Богданова въ процессѣ Думбадзе, какъ одного изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія, то нельзя не прийти къ выводу, что подъ „центральною фигурою“ злобы дня авторъ статьи разумѣлъ, именно, Богданова, и что, слѣдовательно, позорящая обстоятельства приписывались ему же. Подтверждается этотъ выводъ также тѣмъ, что авторъ статьи называетъ именно тѣ три города, гдѣ проходилъ службу свидѣтель Богдановъ, что послѣдній, въ качествѣ инспектора училищъ, продолжаетъ главенствовать надъ тружениками—учителями и что говорится о переводѣ его на другое мѣсто, каковой переводъ возможенъ только для лицъ, состоящихъ на службѣ. По изложеннымъ основаніямъ, судебная палата приговорила Хачатурова къ тюремному заключенію на три мѣсяца.

По жалобѣ Хачатурова дѣло перешло во вторую инстанцію. На дняхъ дѣло это слушалось въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, въ качествѣ апелляціонной ин-

станціи. Предсѣдательствовалъ сенаторъ С. Ф. Платоновъ, докладывавалъ сенаторъ В. В. Смиттенъ, поддерживавъ обвиненіе товарищъ оберъ-прокурора Н. П. Слѣпцовъ, защищавъ пом. прис. пов. О. О. Грузенбергъ.

Товарищъ об.-прокурора въ рѣчи своей указавъ, что тѣ звѣздочки, коими фельетонистъ „Тифлисскаго Листка“ одѣлилъ свой позорящій отзывъ отъ прочихъ частей фельетона, гдѣ идетъ рѣчь исключительно о статскомъ совѣтникѣ Богдановѣ, никого не могутъ и не должны ввести въ заблужденіе. Несомнѣнно, что фельетонъ дѣликомъ посвященъ г. Богданову. Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что оклеветанный доказавъ документально свою безупречность и что онъ 28 лѣтъ служилъ на окраинѣ, гдѣ такъ трудно работать русскому человѣку,—то избранная судебной палатой мѣра наказанія, три мѣсяца тюремнаго заключенія, является совершенно правильною.

Защитникъ обвиняемаго, О. О. Грузенбергъ указавъ, что честь—какъ выраженіе нравственнаго достоинства, и честь, какъ неприкосновенность имени, и только неприкосновенность—пользуются различной защитой закона.

Тотъ, чья дѣятельность и жизнь завоевали себѣ уваженіе, вправѣ домогаться не только наказанія оскорбителя, но и публичнаго признанія безукоризненности поступковъ, подвергшихся незаслуженной хуль. Законъ предлагаетъ ему благодарное оружіе, въ видѣ 1535 ст., дающей возможность процессомъ о клеветѣ возстановитъ репутацію. Здѣсь совершается охрана нравственнаго достоинства, но не отставка за потревоженное имя. Кто ищетъ и можетъ найти необидную оцѣнку своей дѣятельности лишь при условіи всеобщаго молчанія и за непроницаемою завѣсою служебной тайны,—тотъ вынужденъ обратиться къ закону о диффамаци (ст. 1039), охраняющей имя, но только имя.

Онъ вправѣ требовать одного: пусть имя его остается въ безвѣстности, такъ какъ произнесеніе его часто связано съ неминуемымъ обезславленіемъ. Въ процессахъ этого рода взаимнѣ благороднаго голоса нравственнаго достоинства звучитъ одна лишь месть: обвинитель приходитъ въ судъ безъ риска, сопряженнаго съ борьбою. Одѣтый въ латы и забрало, онъ разитъ беззащитнаго противника. Но если законъ, по соображеніямъ политики, охраняетъ имя, независимо отъ его достоинства, то имя это должно быть названо во всеуслышаніе; лишь имя, приговоренное къ позорному столбу, вправѣ требовать своеобразнаго леченія местию.

Вѣроятно, этими соображеніями руководствовался Правит. Сенатъ, когда въ 1867 году, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, въ одномъ изъ приговоровъ своихъ, остающихся, къ сожалѣнію, нераспубликованными, призналъ, что „преступленіе, направленное, преимущественно, къ оскорбленію личному, обуславливается означеніемъ того именно установленія или должностнаго лица, къ которому оскорбленіе обращено“. Правда, въ позднѣйшихъ своихъ приговорахъ и кассационныхъ рѣшеніяхъ Сенатъ отказался отъ этого взгляда, но внутренняя правда его, врядъ ли, поколеблена.

Статскій совѣтникъ Богдановъ пришелъ въ судъ съ просьбою не о возстановленіи его нравственнаго достоинства, а о защитѣ его имени. Въ фельетонѣ „Тифлисскаго Листка“, называющемъ нѣкое должностное лицо „дважды проворовавшимся, мерзавцемъ“, „для котораго жаль даже мѣста на Сахалинѣ“, г. Богдановъ почему-то узналъ себя и, какъ онъ увѣряетъ, то-же признали знакомые его.

Казалось бы, что безпорочная, 28-ми-лѣтняя служебная дѣятельность жалобщика, которую онъ доказываетъ справками разныхъ административныхъ учрежденій, должны были послужить лучшимъ критеріемъ для установленія разницы, а не тождества между нимъ и позорнымъ героемъ фелье-

тона. Но досужая молва и г. Богдановъ самъ усмотрѣли черты фотографическаго сходства. Единство мѣстъ службы (Шуша, Батумъ и Ахалцыхъ) съ „тѣмъ неизвѣстнымъ“ и наименование его — „тифлисской злобой дня“ — вотъ тѣ связующія нити, за которыя ухватился жалобщикъ. Г. Богдановъ служилъ въ тѣхъ самыхъ городахъ; онъ или точнѣе — поведение его по дѣлу учителя Думбадзе, обвинявшагося въ покушеніи на убійство, сыграли роль тифлисской злобы дня.

Дѣло Думбадзе... Въ немъ, повидимому, кроется причина чрезвычайной, можно сказать, нервной впечатлительности жалобщика. На этомъ процессѣ раскрылась, — какъ удостоверяетъ тотъ же фельетонъ, — „система наущничества“ въ отношеніи подчиненныхъ учителей; здѣсь обронилъ г. Богдановъ неосторожный и оскорбительный отзывъ объ извѣстномъ широкой гуманностью администраторъ-покойномъ князѣ Чавчавадзе. И когда по этому поводу поднялись въ обществѣ толки, г. Богдановъ напряженно ждалъ, что, вотъ-вотъ въ какойнибудь изъ мѣстныхъ газетъ дадутъ ему отвѣдъ. Онъ, какъ бы, заранее призналъ, что отвѣдъ эта не можетъ не быть, и будетъ тяжела и обидна. Появился, наконецъ, въ „Тифлисскомъ Листкѣ“ фельетонъ, гдѣ, вслѣдъ за отзывомъ о нѣкоемъ позорномъ администраторѣ, приводится суровая, но правильная оцѣнка поведения г. Богданова по дѣлу Думбадзе. Опасение было, и нервно настроенный жалобщикъ поспѣшилъ ассоциировать свое имя съ безымяннымъ героемъ фельетона.

„Это я“ — рѣшилъ г. Богдановъ; „это онъ“, — подтвердили его друзья. Напрасно, — какъ удостоверяетъ г. Богдановъ въ своемъ показаніи, — предсѣдатель тифлискаго цензурнаго комитета, обязанный, по самому роду своей службы, знать всѣ „злобы дня“ мѣстной прессы, увѣрялъ его, что фельетонъ былъ пропущенъ, такъ какъ не было извѣстно, что онъ относится именно къ нему. Г. Богдановъ не въ силахъ былъ остановиться на избранномъ пути самоопозоренія и каждый шагъ увлекалъ его все дальше и дальше. Когда въ засѣданіи судебной палаты одинъ изъ членовъ ея предложилъ ему вопросъ, почему онъ не избралъ обвиненія въ клеветѣ, г. Богдановъ далъ крайне обидный для себя отвѣтъ. Если бы по этому дѣлу, — сказали онъ, — были допущены свидѣтели, то они сослали бы его не только на Сахалинъ, но даже въ Камчатку... Честнаго и заслуженнаго человѣка — здорово живешь — сошлютъ въ Камчатку.

Эта мысль можетъ прийти въ голову только при чрезмѣрной возбужденности. Не той-ли самой возбужденности надо объяснить торопливую и крайне своеобразную систему представленія доказательствъ своей честности? Въ фельетонѣ говорится, что нѣкое должностное лицо проворовалось въ Батумѣ; г. Богдановъ строитъ догадку, что рѣчь идетъ не о непосредственныхъ служебныхъ обязанностяхъ, а объ его благотворительной дѣятельности. Въ фельетонѣ говорится, что то же должностное лицо проворовалось въ „одномъ общественномъ дѣлѣ въ Шушѣ“; г. Богдановъ спѣшитъ съ доказательствомъ безупречной дѣятельности своей въ г. Ахалцыхъ. Онъ такъ горячо и старательно доказывалъ, что подыксомъ фельетона надо разумѣть именно его, что убѣдилъ въ этомъ судебную палату. И разъ задача по отысканію „неизвѣстнаго“ разрѣшена, врядъ ли у апелляціонной инстанціи можетъ явиться достаточно побужденій для ея перевершенія. Но защита, ходатайствуя за редактора газеты, проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ объ освобожденіи отъ опороченія и г. Богданова. Ему, какъ одному изъ видныхъ лицъ вѣдомства просвѣщенія, вѣроятно небезызвѣстна страничка изъ исторіи отечественной цензуры, какъ нельзя лучше подходящей къ настоящему дѣлу.

Ровно 64 года тому назадъ въ сентябрьской книжкѣ „Московскаго Наблюдателя“ была напечатана пушкинская ода „На выздоровленіе Лукулла“. Ми-

нистръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ не преминулъ узнать въ ней себя и вознегодовать. Поэтъ былъ призванъ на расправу къ пресловутому гр. Бенкендорфу. Пушкинъ встрѣтилъ суровый пріемъ и категорическое обвиненіе въ опозореніи.

Онъ попытался сослаться на безымянность оды но былъ сразу остановленъ Бенкендорфомъ. Тогда поэтъ заявилъ, что графъ ошибается: онъ разумѣлъ въ стихотвореніи другое лицо. „Кто же оно?“ спросилъ Бенкендорфъ.

— Вы графъ! вы!.. повторялъ наступающій поэтъ.

Растерявшійся Бенкендорфъ, схвативъ книжку журнала, сталъ торопливо читать вслухъ надѣлавшую столько шума оду. Негодование его постепенно росло и когда онъ дошелъ до стиховъ — „и воровать уже не забуду казенныя дрова!“ — то въ бѣшенствѣ воскликнулъ: когда же я крадъ казенныя дрова? — „Да развѣ гр. Уваровъ ихъ воруетъ?“ отвѣтилъ, откланиваясь поэтъ. Какъ извѣстно, гр. Уваровъ болѣе не домогался наказанія поэта.

Какъ жаль, что жалобщикъ не послѣдовалъ примѣру Уварова и предпочитаетъ требовать своего опозоренія въ судебномъ приговорѣ. Но если оно неизбежно, то редакторъ „Тифлискаго Листка“ не долженъ платить за это тюремю.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: признавъ редактора-издателя виновнымъ по 1039 ст. ул. о нак., приговорить его къ штрафу въ 300 рублей, съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ.

С.-Петербургская судебная палата.

Искъ о вознагражденіи за утѣчу.

3-го декабря 1898 года, въ 3-емъ часу пополудни, въ гор. Либавѣ восьмилѣтній мальчикъ Козловскій вскочилъ на запятки возка, принадлежащаго купцу Рейсгофу и, наткнувшись на гвозди, прибитые къ наружному краю запятокъ, повредилъ себѣ ногу. Вслѣдъ за тѣмъ, отецъ Козловскаго, въ качествѣ его естественнаго опекуна, предъявилъ къ Рейсгофу въ либавскомъ окружномъ судѣ искъ въ 3,300 р. за увѣче, причиненное его сыну. Въ исковомъ прошеніи Козловскій объяснилъ, что Рейсгофъ прикрѣпилъ къ наружному краю запятокъ кожаный ремень, съ торчащими въ немъ мелкими гвоздями, съ цѣлью воспрепятствовать играющимъ на улицѣ дѣтямъ вскакивать на запятки, что послѣдствіемъ этого явилось увѣче его сына, что устраивая подобное опасное загражденіе, Рейсгофъ долженъ былъ предвидѣть возможность причиненія дѣтямъ тѣлеснаго поврежденія, что онъ допустилъ, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, грубую неосторожность, за которую и долженъ нести имущественную отвѣтственность, въ размѣрѣ исковыхъ требованій. Противъ этого иска повѣренный Рейсгофа возразилъ, что, согласно ст. 2284 и 3285 св. мѣст. узак. губер. прибалт., потерпѣвшій вредъ имѣетъ право требовать удовлетворенія съ нарушителя въ томъ случаѣ, когда послѣднему это можетъ быть вмѣнено въ вину и что не считается нарушеніемъ, если кто-либо пользуется принадлежащимъ ему самому правомъ. А такъ какъ Рейсгофъ имѣлъ несомнѣнное право оградить свою собственность, принадлежащую ему возокъ, отъ посягательства постороннихъ лицъ, какимъ угодно способомъ, то прикрѣпленіе ремня съ гвоздями къ запяткамъ возка не можетъ быть поставлено ему въ вину и не можетъ повлечь за собою его отвѣтственности передъ нарушителемъ его права собственности, Козловскимъ. По опредѣленію суда, былъ допрошенъ, въ качествѣ свидѣтеля, кучеръ Рейсгофа, Лаудубъ, который показалъ, что онъ прибилъ ремень съ гвоздями къ запяткамъ съ согласія Рейсгофа, чтобы на запятки никто не садился; что онъ помнитъ день

когда зимой Козловскій съѣлъ на эти гвозди. Возокъ и зачатки были выкрашены въ коричневую краску, а ремень былъ черный. Онъ, Лаудубъ, ъхалъ тогда съ Рейсгофомъ маленькой рысцою. Ыздили они въ этомъ возкѣ только днемъ, и случай съ Козловскимъ произошелъ въ 4-мъ часу дня, когда было еще свѣтло. Либавскій окружный судъ, большинствомъ 2-хъ голосовъ противъ одного, отказалъ Козловскому въ искѣ, принявъ въ соображеніе, что Рейсгофъ имѣлъ право ограждать свою собственность всякаго рода способами и что, въ силу 3444 ст. св. мѣст. узак., онъ подлежалъ бы отвѣтственности за свои дѣйствія, которыя въ данномъ случаѣ нельзя не считать дозволенными, лишь въ томъ случаѣ, если бы было установлено, что у него былъ прямой умыселъ нанести вредъ Козловскому. Между тѣмъ, хотя повѣренный Козловскаго и утверждаетъ, что у Рейсгофа было намѣреніе причинить тѣлесное поврежденіе дѣтямъ, которыя дозволили бы себѣ вскопичить на запятки его возка, однако, обстоятельствами дѣла это не подтверждается. Изъ того, что Рейсгофъ ѣздилъ въ возкѣ только днемъ и что онъ прикрѣпилъ къ запяткамъ черный ремень, который долженъ былъ явственно выдѣляться на коричневомъ фонѣ запятокъ, слѣдуетъ заключить, что Рейсгофъ имѣлъ въ виду только предостеречь дѣтей отъ того, чтобы они становились на запятки, и что онъ не могъ ожидать, чтобы дѣти вскакивали на запятки, не взирая на торчащіе въ ремнѣ гвозди.

Въ особомъ мѣнѣи одинъ изъ членовъ суда высказался въ томъ смыслѣ, что принятіе мѣръ для огражденія правъ собственности есть одинъ изъ видовъ дозволенной закономъ самообороны, но что самооборона освобождаетъ отъ отвѣтственности лишь настолько, насколько обороняющійся не преступитъ дозволенныхъ ею предѣловъ, и что Рейсгофъ, въ данномъ случаѣ, долженъ былъ сопоставить незначительный вредъ, который можетъ причинить его имуществу шалость дѣтей, вскакивающихъ на запятки, съ тѣмъ серьезнымъ вредомъ, который могъ быть причиненъ здоровью дѣтей, вслѣдствіе устроеннаго имъ, Рейсгофомъ, опаснаго приспособленія. Поэтому, въ виду несоответствія опасности, грозившей имуществу Рейсгофа съ опасностью принятыхъ имъ мѣръ для самообороны, слѣдуетъ признать, что Рейсгофъ преступилъ предѣлы дозволенной самообороны и долженъ отвѣтствовать за вредъ, причиненный Козловскому.

По апелляціонной жалобѣ Козловскаго дѣло слушалось 15 сентября сего года въ 3-мъ департаментѣ С.-Петербургской судебной палаты. Апелляціонную жалобу Козловскаго поддерживалъ прис. повѣр. Вельдбрехтъ, а въ качествѣ повѣреннаго Рейсгофа явился прис. повѣр. Мандель.

Прис. пов. Вельдбрехтъ доказывалъ, что хотя каждому собственнику и принадлежитъ право защищать свою собственность и принимать мѣры для огражденія ея отъ посягательствъ постороннихъ лицъ, тѣмъ не менѣе, эта защита должна имѣть извѣстные предѣлы, и мѣры могутъ быть приняты лишь такія, которыя не грозятъ опасностью для жизни и здоровья постороннихъ лицъ; что въ данномъ случаѣ Рейсгофъ, не желая, чтобы на его запятки прыгали дѣти, могъ либо устроить подъемныя запятки, либо вовсе уничтожить ихъ, либо устроить на запяткахъ безопасныя загражденія, но что прикрѣпленіе ремня съ гвоздями представляетъ изъ себя такое опасное приспособленіе, котораго Рейсгофъ не долженъ былъ устраивать, въ виду могущихъ наступить печальныхъ отъ сего послѣдствій. Поэтому и такъ какъ эти послѣдствія наступили, Козловскій получилъ увѣче, то Рейсгофъ долженъ его за это вознаграждать.

Возражая противъ этихъ объясненій, прис. пов. Мандель указалъ на то, что въ настоящемъ дѣлѣ возникаетъ вопросъ о предѣлахъ правъ собственника на принятіе мѣръ, ограждающихъ его соб-

ственность отъ *будущихъ* посягательствъ; что этотъ вопросъ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о правѣ на личную самооборону, которая возникаетъ лишь *одновременно* съ нападеніемъ, съ посягательствомъ на личную или имущественную неприкосновенность обороняющагося. Всякій собственникъ воленъ съ имуществомъ своимъ дѣлать, что ему угодно; пока онъ оперируетъ надъ своимъ имуществомъ, онъ ничьихъ правъ не нарушаетъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, когда Рейсгофъ прикрѣплялъ ремень съ гвоздями къ своему возку, онъ рѣшительно ничьихъ правъ этимъ не нарушалъ, и самая коллизія его правъ съ правами постороннихъ лицъ могла послѣдовать лишь при одномъ условіи: когда постороннія лица вздумали бы нарушить его, Рейсгофа, право собственности на возокъ. Посему и вредъ для постороннихъ лицъ могъ явиться послѣдствиемъ не дѣйствій Рейсгофа надъ своимъ имуществомъ, закономъ дозволенныхъ, а дѣйствій самихъ этихъ постороннихъ лицъ, направленныхъ къ нарушенію правъ Рейсгофа. Иными словами, пока собственникъ распоряжается своимъ имуществомъ, онъ ничьихъ правъ не нарушаетъ, по общему юридическому принципу *qui suo jure titur ineminem laedit* и нельзя ему предписывать того, что ему дѣлать съ его имуществомъ, лишь бы онъ не выходилъ за предѣлы своего права собственности. Если же *нарушеніе* правъ собственника влечетъ за собою вредъ для *самыхъ нарушителей*, хотя бы вслѣдствіе тѣхъ дѣйствій, которыя собственникъ въ предвидѣніи нарушеній предпринялъ надъ своимъ имуществомъ, то этотъ вредъ падаетъ на самого нарушителя, ни въ чемъ не обязывая передъ нимъ собственника, Никто не сомнѣвается въ томъ, что собственникъ вправе окружить свое владѣніе заборомъ. Такъ неужели же воръ, перелѣзавшій черезъ заборъ и при этомъ упавшій, можетъ требовать отъ собственника, вознагражденія за причиненный ему паденіемъ вредъ сылаясь на то, что собственникъ поставилъ слишкомъ высокій заборъ и не принялъ въ соображеніе, что паденіе съ такой высоты можетъ причинить ущербъ здоровью? По св. мѣст. узак. (ст. 3401) потерпѣвшій вредъ не имѣетъ права требовать вознагражденія даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ могъ оный устроить соблюденіемъ должной осторожности. Тѣмъ болѣе, не можетъ требовать вознагражденія тотъ, кто *умышленно посягнулъ* на чужое право, какъ бы незначительно послѣднее не было. Настоящее дѣло усложняется тѣмъ, что лицо пострадавшее—ребенокъ, но, согласно 3286 ст. т. III св. мѣст. узак., нарушеніе не вмѣняется въ вину лицамъ *только до 7 лѣтъ*, а Козловскому было во время несчастнаго случая болѣе 8 лѣтъ.

Судебная палата оставила апелляціонную жалобу Козловскаго безъ послѣдствій и утвердила рѣшеніе Либавскаго окружнаго суда.

Хроника.

По дѣламъ, рассмотрѣннымъ въ первомъ, послѣднихъ каникулъ, засѣданіи (4 октября) общаго собранія кассационныхъ департаментовъ, Пр. Сенатъ разъяснилъ: 1) что по законамъ, дѣйствующимъ въ губ. Царства Польскаго, потерпѣвшій отъ преступленія не вправе взыскивать, посредствомъ особаго иска, съ признаннаго виновнымъ въ семъ преступленіи лица вознагражденіе за *расходы по участію его въ уголовномъ дѣлѣ*; 2) (съ участіемъ 1-го деп.) по поводу ст. 968 уст. уг. суд., что время, проведенное

каторжными въ работахъ до новаго сужденія за побѣгъ, должно зачитаться въ **срокъ наказанія**, опредѣленнаго судебными приговорами; 3) что въ дѣлахъ объ отысканіи **наслѣдства послѣ раскольника** оспариваемое отвѣтчикомъ существованіе раскольничьяго брака, не записаннаго въ метрическія книги, вслѣдствіе неправильнаго отказа въ томъ полиціи, и рожденіе истца отъ такого брака—могутъ по смерти наслѣдодателя быть доказываемы передъ судомъ свидѣтельскими показаніями и въ судебнымъ признаніемъ на письмѣ противной стороны; 4) что при командировкахъ по дѣламъ службы **канцелярскіе служители и вольнонаемные писцы** судебныхъ канцелярій удовлетворяются прогоннымъ довольствіемъ наравнѣ съ оберъ-офицерскими чинами, а **курьеры** удовлетворяются не квартирными деньгами, а кормовыми и 5) (съ участіемъ 1 и 2-го деп.) что **взысканіе долговъ съ заемщиковъ сельскихъ банковъ** по удѣльному вѣдомству должно быть производимо не иначе, какъ въ безспорномъ порядкѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ оставилъ безъ уваженія **ходатайство пермскаго губ. земскаго собранія** объ измѣненіи приложеннаго къ ст. 14 пол. зем. учр. росписанія земскихъ гласныхъ по Конгурскому уѣзду. По жалобѣ земской управы Пр. Сенатъ, находя, что, согласно преподаннымъ разъясненіямъ, всѣ ходатайства земствъ, за исключеніемъ касающихся поступленія денегъ въ казну или денежныхъ выдачъ, должны получать направленіе въ комитетъ министровъ, поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ представить вышеприведенное ходатайство пермскаго губ. земства по принадлежности.

Въ указѣ Пр. Сената отъ 25 сентября за № 9943 выражено, что постановленіе городской думы о выдачѣ служившему по выборамъ **одобрительнаго свидѣтельства** объ его службѣ, какъ имѣющаго характеръ частной благодарности за дѣятельность на пользу города, не можетъ быть признано незаконнымъ.

Указомъ 25 сентября 1899 г. № 9921 Пр. Сенатъ подтвердилъ высказанный имъ въ 1896 г. въ указахъ 9870 и 9871 взглядъ, что земскимъ учрежденіямъ не возбраняется, руководствуясь имѣющимися у нихъ свѣдѣніями объ измѣнившейся цѣнности и доходности лѣсовъ въ уѣздѣ и неуравнительности, вслѣдствіе сего, обложенія сихъ угодій, **измѣнить принятую оцѣнку лѣсовъ**, повысивъ таковую, безъ предварительнаго производства специальной оцѣнки ихъ и опредѣленія дѣйствительной ихъ стоимости.

До отчужденія установленнымъ порядкомъ изъ частнаго владѣнія всѣхъ участковъ, назначенныхъ по плану города подъ улицы, площади и т. п. **мѣста общаго пользования** городской общественной управленія не вправѣ воспрепятствовать застройку таковыхъ участковъ и поэтому одно лишь предназначеніе по плану города участка земли, состоящаго въ частномъ владѣніи, подъ улицу или площадь, не можетъ служить для городскаго управленія основаніемъ къ отказу въ разрѣшеніи

возвести предполагаемыя на семь участкѣ постройки (Указъ 20 сентября № 9534).

По разъясненію Пр. Сената, рассмотрѣніе постановлений городскихъ думъ по предметамъ, касающимся **примѣненія уст. пит.**, относится къ вѣдѣнію губернскаго по пит. дѣламъ присутствія, а не по земск. и городскимъ дѣламъ присутствій (Указъ 22 сентября № 9751).

Указомъ 20 сентября за № 9521 Пр. Сенатъ разъяснилъ, что на избирательномъ съѣздѣ до начала выборовъ составляется, за общимъ подписаніемъ присутствующихъ, актъ о прибывшихъ на съѣздъ избирателяхъ, о количествѣ числящейся за ними, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, обложенной сборомъ на земскія повинности, земли и объ оцѣночной стоимости другого, состоящаго въ ихъ владѣніи, недвижимаго имущества, а также о числѣ подлежащихъ избранію уполномоченныхъ; причемъ въ полож. о земск. учр. нѣтъ указанія на то, чтобы въ зависимости отъ **выбытія** кого-либо изъ **участниковъ съѣзда**, **прежде окончанія выборовъ** и уменьшенія чрезъ это принятаго при первоначальномъ исчисленіи, количества земли, опредѣленное на основаніи этого количества число уполномоченныхъ могло быть уменьшаемо.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что удостовѣреніе полиціи о полученіи ею **недоимокъ въ земскихъ повинностяхъ** должно считаться доказательствомъ уплаты собственникомъ числившейся за нимъ недоимки и если взысканная черезъ полицію недоимка не поступила въ кассу земства, то обстоятельство это не даетъ послѣднему права требовать таковую вторично съ плательщика, но можетъ лишь служить поводомъ земству къ возбужденію уголовного преслѣдованія противъ должностнаго лица, не внесшаго взысканной недоимки по принадлежности (Указъ 20 сентября 1899 года № 9535).

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что городская дума не вправѣ измѣнять размѣръ **содержанія должностныхъ лицъ** городского общ. управленія до окончанія срока, на который эти лица избраны (Указъ 22 сентября 1899 г. № 9745).

Въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ изданіи спеціальнаго закона, карающаго тайное **похищеніе** отъ проводовъ **электрической энергіи**. (Спб. Вѣд.).

По слухамъ, въ виду указаній практики современныхъ городскихъ управленій, возникло предположеніе о **возстановленіи дѣйствій нѣкоторыхъ статей городского положенія 1870 г.**, а въ томъ числѣ и ст. 12, согласно коей въ случаяхъ, если городскимъ управленіемъ не будетъ сдѣлано распоряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для города, губернаторъ напоминаетъ о томъ общественному управленію; при безуспѣшности же этой мѣры приступаетъ, въ случаѣ необходимости, признанной губернскимъ по

городскимъ дѣламъ присутвіемъ, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ за счетъ города и доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Рязанское губернское земское собраніе въ 1893 г. сдѣлало постановленіе о созывѣ създа земскихъ врачей и представителей уѣздныхъ земствъ; засимъ въ 1896 г. снова признало необходимымъ передать рядъ вопросовъ на обсужденіе предполагаемаго създа. Какъ первое, такъ и второе постановленіе земскаго собранія своевременно не было опротестовано. Между тѣмъ въ 1897 г., когда рѣшено было собрать самый създъ, губернаторъ, признавая, что създъ можетъ быть созванъ лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, самое дѣло, согласно 103 ст. земскаго положенія, въ виду отказа управы исполнить предложеніе губернатора, передалъ на обсужденіе губернскаго присутствія. Это послѣднее въ свою очередь предложило Рязанской управѣ о разрѣшеніи вышеуказаннаго совѣщанія войти съ особымъ представленіемъ къ начальнику губерніи. По разсмотрѣніи этого дѣла Сенатомъ признано, что съ формальной стороны Рязанскимъ губернскимъ начальствомъ допущено неправильное примѣненіе правилъ ст. 103 полож. о зем. учр., такъ какъ хотя по этой статьѣ закона губернатору и предоставлено право обращаться къ земскимъ управамъ съ предложеніемъ, но имѣя въ виду 97 ст. того же положенія, согласно коей земскія управы, какъ исполнительные органы подлежащихъ земскихъ собраній, дѣйствуютъ по указаніямъ послѣднихъ и состоятъ съ нимъ въ непосредственной подчиненности, слѣдуетъ признать, что Рязанскій губернаторъ не имѣлъ права обращаться къ Рязанской земской управѣ съ вышеуказаннымъ предложеніемъ, которое противорѣчило вошедшимъ уже въ законную силу и, слѣдовательно, обязательнымъ къ исполненію для земской управы, постановленіямъ Рязанскаго собранія. По тѣмъ же самымъ основаніямъ Сенатъ призналъ, что и присутствіе не имѣло правильныхъ основаній, руководствуясь 103 ст. зем. полож. обязывать Рязанскую земскую управу, вопреки вошедшему въ законную силу постановленію Рязанскаго земскаго собранія, испрашивать особое разрѣшеніе на созывъ предполагаемаго по означенному постановленію земства совѣщанія врачей и представителей уѣздныхъ земствъ.

4 октября, исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго публициста, присяжнаго повѣреннаго Григорія Аветовича Джаншіева. Юбилера въ Москвѣ не было. Въ теченіе дня въ его квартиру являлись многіе для принесенія личныхъ поздравленій. Прислано также на имя юбиляра много привѣтственныхъ телеграммъ.

По словамъ газетъ, въ виду удобствъ для свидѣтелей и необходимости осмотра мѣстности преступленія, дѣло Скитскихъ предположено разсмотрѣть въ Кременчугѣ въ декабрѣ.

Въ гражданскій департаментъ финляндскаго сената, по сообщенію „Wiipuri Sanomat“, цитируемоу „Народомъ“, поступило предписаніе отъ главнаго управленія по дѣламъ печати о возбужденіи преслѣдованія противъ финляндскаго управленія печати за то, что послѣднее разрѣшило распространеніе вышедшихъ на финскомъ языкѣ вредныхъ книжекъ.

Заславльскій купецъ К. подалъ жалобу управляющему казенною палатою на то, что заславльскій податной инспекторъ Волчанецкій отношеніемъ отъ 6 сентября за № 538 просилъ помощн. надзир. 2 части немедленно доставить его, К., на квартиру инспектора (выписка изъ повѣстки надзирателя), о чемъ надзиратель повѣсткою извѣстилъ К. Но когда послѣдній явился въ канцелярію инспектора, тотъ, выславъ изъ канцеляріи письмоводителя и городского, избилъ его, а когда К. выбѣжалъ изъ канцеляріи на улицу и сталъ кричать, то инспекторъ приказалъ городовому задержать его. Затѣмъ инспекторъ увѣдомилъ надзирателя, что К. ушелъ отъ него, не спросивъ его, инспектора. При жалобѣ К. послалъ медицинское свидѣтельство и повѣстку полиціи о требованіи инспектора. (Волынъ).

Изъ числа дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ очередномъ засѣданіи Новороссійской городской думы, по распоряженію губернатора снять вопросъ по докладу управы о введеніи въ Черноморской губерніи суда присяжныхъ. (Куб. Вѣд.).

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Гражданское отдѣленіе.

Въ пятницу, 1 октября, состоялось, подъ предѣтельствомъ А. А. Книрима, первое послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіе отдѣленія для выслушанія краткаго сообщенія дѣйствит. члена общества А. А. Герке о появившемся, выработанномъ Высочайше учрежд. комиссіею по составленію гражданскаго уложенія, проектъ V книги гражданскаго уложенія (обязательства) и избранія членовъ общества въ комиссію по составленію замѣчаній на этотъ проектъ.

Въ сообщеніи своемъ А. А. Герке отмѣтилъ, что проектъ является чрезвычайно цѣннымъ плодомъ усидчивой долготѣйшей работы нашихъ выдающихся юристовъ, съ которымъ дѣйствующій X т. не выдерживаетъ никакого сравненія. Если бы проектъ въ своемъ настоящемъ видѣ—безъ всякихъ дальнѣйшихъ поправокъ и передѣлокъ—сталъ дѣйствующимъ закономъ, то судьи сочли бы себя вполне удовлетворенными, получивъ кодексъ, въ которомъ легко ориентироваться и который не вызвалъ бы затрудненій при примѣненіи его къ жизненнымъ отношеніямъ. Несомнѣнно, что найдутся и недовольные, которые уже жили съ X-томъ и ничего лучшаго не желаютъ, но большинство, конечно, не раздѣляетъ того мнѣнія, что le mieuх c'est l'ennemi du bien.

Нельзя прежде всего не отнестись съ глубокой благодарностью къ комиссиі, которая опубликовала не только самый проектъ, но и объяснительную записку, что, какъ извѣстно, составляетъ у насъ исключеніе. Было бы крайне желателно, чтобы поскорѣе были опубликованы и труды комиссиі по пересмотру суд. уставовъ въ виду той тѣсной связи, какая несомнѣнно существуетъ между этими трудами и настоящимъ проектомъ. Въ рѣчи своей при закрытіи комиссиі г. министръ юстиціи заявилъ, что основы реформы 1864 г. остались нетронутыми, что новые судебные уставы остались уставами Императора Александра II, и остается пожелать, чтобы ко времени вступленія въ силу настоящаго законопроекта восстановлены были суд. уставы въ ихъ полномъ объемѣ, чтобы было уничтожено смѣшеніе судебной власти съ административной и т. д. Это необходимо потому, что составители проекта, расширяя усмотрѣніе судей и т. п., имѣли въ виду именно судей 1864 г., независимыхъ, несмѣняемыхъ, творящихъ судъ по свободному убѣжденію. Было бы желателно также восстановить единство кассационнаго суда: новый законъ вызоветъ несомнѣнно много сомнѣній и здѣсь-то—даже и для самыхъ мелкихъ дѣлъ—необходимо, чтобы кассационное производство сосредоточилось въ одномъ высшемъ учрежденіи, состоящемъ изъ опытныхъ юристовъ.

Уже съ виѣшней стороны разсматриваемый проектъ представляетъ несомнѣнно выдающійся трудъ: въ немъ содержится 1106 ст., причѣмъ сюда не вошли статьи, относящіяся до договора векселя, такъ какъ вексельный уставъ разрабатывается особой комиссіей и внесенъ уже мин. ю. въ Государственный Совѣтъ. Проектъ снабженъ пятитомной объяснительной запиской, содержащей до 4 тысячъ стр. текста. Подъ каждой статьей проекта приводятся ссылки на соотвѣтствующія статьи Х т., другихъ томовъ нашего свода, мѣстные законы Царства Польскаго и приб. губерній и на иностранныя законодательства, а именно: гр. уложенія французское, новое германское, черногорское, сербское, австрійское, саксонское, цюрихское, калифорнское и швейцарскій законъ объ обязательствахъ, изъ коихъ послѣднія шесть переведены комиссіей на русскій языкъ. Благодаря этимъ многочисленнымъ ссылкамъ, которыхъ нѣтъ, напр., въ проектѣ уголовного уложенія, трудъ гр. комиссиі навсегда сохранитъ свое значеніе и будетъ незамѣнимой справочной книгой какъ для юриста теоретика, такъ и практика. Масса ссылокъ имѣется и въ объяснительной запискѣ, но здѣсь преобладаютъ ссылки на научную литературу, причѣмъ упоминаются не только корифеи юридической мысли, но не забыты и молодые ученые. Что касается внутренняго содержанія проекта, то нужно имѣть въ виду, что комиссиія ставила своей цѣлью не сочинить уложеніе, а, оставаясь на исторической почвѣ, воспроизвести въ будущемъ гр. уложеніи т. X ч. 1 въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Въ краткомъ сообщеніи невозможно останавливаться даже и въ общихъ чертахъ на отдѣльныхъ постановленіяхъ проекта, достаточно отмѣтить, чтобы понять все значеніе труда, важнѣйшіе вопросы, разрѣшенные комиссіей: сюда прежде всего относится созданіе общихъ положеній, почти вовсе отсутствующихъ въ X т.: въ послѣднемъ имъ посвящено—9 статей, а въ проектѣ 183 статьи.

Крупнымъ и важнымъ нововведеніемъ является включеніе въ общее гр. уложеніе постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ, принятое комиссіей послѣ долгаго и тщательнаго изученія причинъ появленія въ современныхъ законахъ особыхъ торговыхъ уложеній и ближайшаго ихъ содержанія. Это изученіе привело комиссию къ убѣжденію въ отсутствіи сколько-нибудь существеннаго различія торговаго права отъ права, содержащагося въ гражд. уложеніяхъ, и невозможности сколько-нибудь правильно и послѣдовательно размежевать области того и другого. Затѣмъ комиссиі предстояло разрѣшить сложный вопросъ о пространствѣ дѣйствія будущаго уложенія: мѣстные законы останутся въ силѣ и со введеніемъ новаго уложенія, но достоинства проекта столь значительны и выгоды единаго законодательства столь безспорны, что, судя по знакомымъ докладчику тенденціямъ, окраины сами пожелаютъ, чтобы общій законъ былъ распространенъ и на нихъ. Коснувшись затѣмъ системы и терминологіи проекта, стремленія составителей избѣгать иностранныхъ терминовъ (такъ напр., вездѣ слово кредиторъ замѣнено словомъ вѣритель), А. А. Герке остановился на принципахъ, положенныхъ въ основаніе проекта. Законъ, говорятъ составители, долженъ быть справедливымъ, ограждать интересы безпомощныхъ и слабыхъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія отдѣлъ, регулирующий договоръ личнаго найма. Составители весьма тщательно позаботились объ охранѣ интересовъ нанявшагося, и этотъ отдѣлъ во всемъ проектѣ кажется наиболее симпатичнымъ, проникнутымъ духомъ гуманности. Богатство содержанія проекта достаточно явствуетъ уже изъ оглавленія V книги, оно одно свидѣтельствуетъ, какая крупная работа создана составителями (ближайшее участіе въ разработкѣ V книги принимали А. А. Книримъ, В. И. Голевинскій, К. И. Мальшевъ, Э. Э. Пирвицъ, А. Ф. Поворинскій и состоящіе при комиссиі: В. С. Садовскій, П. А. Гедримовичъ (нынѣ умершій), С. В. Илимовъ, И. Е. Ильишенко, А. И. Лыкопинъ, М. П. Шафиръ, В. Ф. Гельбе (умершій) и Ф. А. Вальтеръ) и какой благодарности они заслуживаютъ отъ лица всѣхъ юристовъ. Высокая цѣнность и значеніе этого труда обязываютъ юридическое общество отнестись къ нему серьезно, встрѣтить его благожелательной вдумчивой критикой, причѣмъ, конечно, было бы особенно желателно, чтобы критика не ограничивалась отрицательнымъ отношеніемъ къ недостаткамъ проекта, а представляла бы свои контрпроекты. Въ юридическомъ обществѣ обсужденіе проекта можетъ происходить двоякимъ способомъ: докладомъ рефератовъ отдѣльными членами и постатейнымъ чтеніемъ статей въ засѣданіяхъ общества, какъ это постановлено казанскимъ юридическимъ обществомъ (см. Право № 39 стр. 1793), или же разсмотрѣніемъ проекта въ особо избранной для этой цѣли обществомъ комиссиі. Второй способъ, практиковавшійся въ С.-Петербургскомъ обществѣ при обсужденіи проекта угол. уложенія и проекта объ организаціи адвокатуры и давшій весьма благоприятные результаты, тѣмъ болѣе желателенъ въ данномъ случаѣ, что срокъ для представленія замѣчаній на проектъ назначенъ весьма короткій. Предлагая поэтому второй способъ, А. А. Герке заявилъ, что онъ

уже обращался письменно къ нѣкоторымъ лицамъ, участіе которыхъ представлялось ему желательнымъ, и получилъ согласіе отъ А. Ф. Брандта, М. М. Винавера, І. В. Гессена, Д. Д. Гримма, А. И. Каминка, М. В. Каплана, М. И. Кусакова, М. И. Мыша, С. А. Муромцева, Ф. И. Осецкого, Л. І. Петражицкаго, Н. А. Полетаева, И. М. Рабиновича, Г. Б. Сліозберга, В. Д. Спасовича, А. Н. Турчанинова, Р. В. фонъ-Фреймана, Н. И. Цуканова и В. П. Шейна. Изъ числа этихъ лицъ докладчикъ и предлагаетъ составить комиссію, предоставивъ предсѣдателю право приглашать и другихъ юристовъ и принимать письменныя замѣчанія на проектъ.

Н. И. Стояновскій предложилъ не производить выборовъ, чтобы избѣжать всякаго формализма, а пригласить всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, выразившихъ согласіе потрудиться надъ обсужденіемъ проекта. Предложеніе это было единогласно принято.

А. А. Книримъ предложилъ избрать въ предсѣдателя комиссіи А. А. Герке. Предложеніе было встрѣчено общими аплодисментами.

А. А. Герке благодарилъ за избраніе, обѣщая употребить всѣ силы, чтобы надлежащимъ образомъ выполнить возложенную на него высокую задачу.

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ субботу, 2 октября, подъ предсѣдательствомъ проф. Шершеневича, состоялось засѣданіе юридическаго общества. На этотъ день назначены были: а) продолженіе преній по реферату А. В. Завадскаго, доложенному въ прошлый разъ („Что даетъ суду экспертъ“) и б) обсужденіе проекта V части гражданскаго уложенія (общая часть, по докладу Г. Ф. Шершеневича).

Такъ какъ въ прошедшее засѣданіе врачи заявили желаніе принять участіе въ преніяхъ, то *А. В. Завадскій* представилъ въ это засѣданіе дополнительное сообщеніе, въ которомъ основныя положенія своего реферата примѣнилъ подробнѣе къ врачебной экспертизѣ. Референтъ снова развивалъ ту мысль, что заключеніе эксперта не можетъ быть обязательнымъ для суда.

Противникомъ этого взгляда выступилъ *В. В. Сергѣевскій*, по мнѣнію котораго судъ потому-то и обращается къ экспертизѣ, что не имѣетъ необходимыхъ познаній по основному вопросу, а слѣдовательно, и не имѣетъ средствъ опровергать положенія экспертизы. Онъ считаетъ неправильнымъ сосредоточиваться на врачебной экспертизѣ, какъ извѣстно, наиболѣе шаткой, и отсюда дѣлать выводы объ экспертизѣ вообще. За всю свою многолѣтнюю судебную практику онъ никогда не видѣлъ, чтобы судъ отвергалъ, напр., химическую экспертизу.

Въ защиту принципа обязательности экспертизы для суда выступилъ врачъ *Л. А. Сертѣевъ*. По его мнѣнію, чтобы опредѣлить значеніе экспертизы на судѣ, необходимо отбросить прежде всего субъективные недостатки ея, а также возможныя во всякой наукѣ колебанія. Тогда передъ нами останутся научныя истины, которыя, какъ истины, должны быть равно обязательны какъ для врачей специалистовъ, такъ и для судей. Для оппонента остается неяснымъ, въ чемъ можетъ пострадать достоинство суда, если онъ будетъ подчиненъ на-

учному мнѣнію экспертовъ. Не пострадаетъ ли, наоборотъ, это достоинство тогда, когда рѣшенія суда разойдутся съ выводами науки.

Противникомъ этого послѣдняго взгляда явился *Н. Н. Галкинъ-Врасскій*, который указалъ на то, что мнѣніе экспертовъ должно быть священо для суда, какъ научное положеніе. Но отсюда еще далеко до подчиненія суда экспертамъ. Судъ не можетъ быть подчиненъ экспертизѣ безъ ущерба для своего достоинства, потому что судъ призванъ судить, а не исполнять только чужія рѣшенія. Можно ли согласовать принципъ обязательности экспертизы съ судомъ присяжныхъ, свободнымъ въ оцѣнкѣ доказательствъ и даже не обязаннымъ, какъ коронный судъ, мотивировать свое несогласіе съ мнѣніемъ экспертовъ.

Референтъ сдѣлалъ подробныя возраженія по пунктамъ своимъ оппонентамъ. В. В. Сергѣевскому онъ замѣтилъ, что можетъ указать случаи въ судебной практикѣ, когда судъ не соглашался именно съ химическою экспертизою. Его оппоненты, какъ будто, предполагаютъ, что онъ признаетъ за судомъ способность опровергать опытыя положенія экспертизы. Но это вовсе не необходимо. Онъ отстаиваетъ только то, что судъ свободенъ въ логическомъ заключеніи. Опытное положеніе составляетъ большую посылку, факты даннаго дѣла—малую. Эксперты даютъ большую посылку—и въ этомъ суцность экспертизы. Если же при этомъ экспертъ даетъ и заключеніе къ данному случаю, то онъ выходитъ за предѣлы экспертизы и въ этомъ отношеніи не можетъ связывать судъ.

М. Л. Мандельштамъ высказалъ, что въ замѣчаніяхъ Л. А. Сергѣева онъ усматриваетъ *petitio principii*, потому что г. Сергѣевъ предполагаетъ доказанною достовѣрность научнаго положенія, предложеннаго экспертизою. Но всѣ наши познанія относительны, и потому, за отсутствіемъ увѣренности въ томъ, что истина найдена, судъ не можетъ идти слѣпо за врачомъ. Да и можно ли согласовать обязательность экспертизы для суда съ научнымъ достоинствомъ экспертизы. Судъ пригласилъ уѣзднаго врача, мнѣніе котораго для суда должно быть обязательнымъ, а между тѣмъ въ прессѣ или литературѣ по тому же дѣлу высказано совершенно иное мнѣніе извѣстнымъ профессоромъ специалистовъ. Подчиненіе въ этомъ случаѣ призванному эксперту не будетъ ли возвращеніемъ къ формальной теоріи доказательствъ?

По окончаніи преній предсѣдатель поставилъ на голосованіе вопросъ: слѣдуетъ ли, съ точки зрѣнія политики права, признать обязательность экспертизы для суда. Большинствомъ 13 голосовъ противъ 3 вопросъ разрѣшенъ отрицательно.

За позднимъ временемъ обсужденіе проекта гражданскаго уложенія было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Библиографія.

Вѣстникъ Права, № 7, Сентябрь 1899 г.

К. В. Шавровъ. Экспертиза въ уголовномъ судѣ. Разбирая значеніе экспертизы, авторъ находитъ, что

разница между положениями эксперта и свидетеля по существу сводится къ различію достовѣрности въ ихъ выводахъ: экспертиза—свидѣтельское показаніе специалиста. Когда дѣло идетъ о психіатрической экспертизѣ, заключенія ея должны быть обязательны для суда, такъ какъ онъ лишень возможности ихъ провѣрить. Судья не компетентенъ въ рѣшеніи вопросовъ психіатрии — въ частности, вопроса о вмѣняемости. здраваго смысла недостаточно тамъ, гдѣ требуется научное знаніе. И дѣйствительно, фактически судьи почти всегда рѣшаютъ психіатрические вопросы согласно заключенію экспертовъ (что неудивительно, замѣтимъ, если эксперты между собою согласны, — но въ противномъ случаѣ, какъ быть судьямъ?) Авторъ полагаетъ, что если слово врача будетъ рѣшающимъ, то экспертизы будутъ не столь громки, но зато основательны.

При этомъ психіатрическая экспертиза должна быть выдѣлена изъ процесса и предоставлена рѣшенію жюри медиковъ и психіатровъ, съ участіемъ судебной власти, въ видахъ контроля надъ соблюденіемъ формальныхъ правилъ постановки рѣшенія этими жюри и съ правомъ протеста и жалобы въ высшую инстанцію.

Категорическое отождествленіе вопроса о вмѣняемости съ вопросомъ о наличности душевной болѣзни представляется наиболѣе сомнительнымъ пунктомъ разсужденій автора, — повидимому вполне убѣжденнаго въ томъ, что только „пустая схоластика“ можетъ проводить тутъ какое-нибудь различіе. Въ этомъ отношеніи онъ встрѣтитъ противниковъ и среди юристовъ и среди врачей-психіатровъ.

А. К. Ф онъ-Резонъ: Система и юридическій характеръ наказаній по уставамъ казенныхъ управленій. Эта обширная статья составляетъ продолженіе начатаго въ юньской книгѣ „Вѣстника Права“ изслѣдованія о карательныхъ нормахъ, содержащихся въ уставахъ казеннаго управленія, и отличается той же полнотой и обстоятельностью въ разсмотрѣніи дѣлага ряда вопросовъ чрезвычайно сухихъ и специальныхъ, но представляющихъ большой практической интересъ и мало разработанныхъ.

Въ виду такого характера этой статьи, она мало поддается резюмированію, тѣмъ болѣе, что авторъ останавливается на каждомъ уставѣ и даетъ массу частностей. Поэтому, отсылаемъ интересующихся вопросомъ къ „Вѣстнику Права“.

Очень обстоятельна статья С. М. Гинзбурга „Изъ исторіи бумаги на предъявителя“. Авторъ, пользуясь главнымъ образомъ трудомъ Отто Бера „Zur Cessionenlehre“, характеризуетъ римское обязательственное право. Оно „дало намъ форму абстрактнаго обязательства, т. е. обязательства, отрѣшеннаго отъ натуральныхъ основаній, новое же право пошло еще дальше: гражданскій оборотъ требовалъ такихъ обязательствъ, которыя обладали бы способностью быть отвлеченными не только отъ своего основанія... но и отъ круга первоначальныхъ участниковъ“. Задача автора—прослѣдить этотъ процессъ освобожденія обязательства отъ связи съ лицомъ, управомоченнымъ на основаніи документа. Авторъ обстоятельно разсматриваетъ вопросъ, были ли извѣстны Талмуду бумаги на предъявителя, и приходитъ къ отрицательному выводу. Затѣмъ авторъ прямо переходитъ къ вопросу о германскомъ происхожденіи бумагъ на предъявителя, и совершенно правильно оспариваетъ претензію многихъ германскихъ ученыхъ виндцировать въ пользу германскаго творчества институты, обязанные своимъ возникновеніемъ всему новѣйшему гражданскому и торговому обороту всѣхъ торговыхъ народовъ. Авторъ, такъ обр., оставляетъ совершенно безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, были ли извѣстны бумаги на предъявителя въ Греціи. Это обусловливается повидимому тѣмъ, что авторъ упустилъ изъ виду классическую работу по исторіи торговаго права Гольдшмидта. Работу эту безусловно необходимо

имѣть въ виду всѣмъ, занимающимся исторіей институтовъ торговаго права.

Авторъ отмѣчаетъ, какъ, начиная съ VIII ст., въ итальянскихъ договорахъ постоянно встрѣчается клаузула, ставившая рядомъ съ вѣрителемъ добросовѣстнаго держателя документа. Г. Гинзбургъ примыкаетъ къ тому взгляду, который, однако, еще не считаетъ этихъ бумагъ настоящими бумагами на предъявителя. Клаузула эта обусловливалась раньше всего тѣмъ, что судебное представительство въ средніе вѣка было крайне ограничено. Отъ этой клаузулы авторъ далѣе отличаетъ альтернативную клаузулу, дававшую предъявителю болѣе самостоятельное положеніе, такъ какъ онъ освобождался отъ обязанности доказывать цессию. Достаточно одного владѣнія документомъ. Съ устраненіемъ изъ именнаго документа съ альтернативной клаузулой имени первоначальнаго вѣрителя, документъ сталъ чистой бумагой на предъявителя. Въ большомъ количествѣ эти бумаги начинаютъ появляться въ XVII вѣкѣ. Хотя на первыхъ порахъ теорія, воспитанная на традиціяхъ римскаго права, и относилась крайне отрицательно къ этимъ бумагамъ, но, понятно, потребности дѣлового оборота оказались сильнѣе, и бумаги эти скоро получили полное право гражданства. Въ заключеніе авторъ останавливается на тѣхъ законодательныхъ ограниченіяхъ, которымъ подверглось право частныхъ лицъ выпускать бумаги на предъявителя.

Въ небольшой статьѣ **Вотчинная сила межевыхъ документовъ** Вл. Утинъ останавливается на вопросѣ о доказательной силѣ межевыхъ актовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаружена невѣрность ихъ при провѣркѣ въ натурѣ и при этомъ возникаютъ споры. На основаніи разъясненій, преподанныхъ Пр. Сенатомъ, авторъ приходитъ къ выводу, что и здѣсь межевые документы не теряютъ доказательной силы такъ какъ означенная невѣрность служитъ лишь поводомъ къ исправленію ихъ — путемъ соответствующихъ, утверждаемыхъ Пр. Сенатомъ, поправокъ, и исправленные этимъ путемъ документы сохраняютъ какъ для сторонъ, такъ и для суда равную силу съ тѣми, которую имѣли-бы исправленные на основаніи не оспоренной сторонами повѣрки межевые документы.

Г. Платоновъ въ статьѣ „объектъ преступленія изгнанія плода“ доказываетъ, что преступленіе это должно быть расматриваемо какъ преступленіе противъ половой нравственности. По мнѣнію автора, охраняя плодъ, этотъ важнѣйшій результатъ половой жизни, право регулируетъ самыя половыя отношенія, придавая „половому акту“ „болѣе важный, болѣе серьезный характеръ“...

Въ небольшой замѣткѣ по поводу „временныхъ правилъ объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній“ редакция указываетъ, что среди лѣтнихъ мѣропріятій, вызванныхъ весенними студенческими волненіями, правила эти, изданныя внѣобщаго законодательнаго порядка, отмѣнены наибольшимъ характеромъ неожиданности и рѣшимости. Дѣйствительно, они явились неожиданными и не только потому, что, какъ указываетъ редакция, „въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній, довольно обильной эпохой разнообразныхъ волненій, бывали отдѣльные случаи сдачи въ солдаты по Высочайшимъ повелѣніямъ, въ массовомъ же масштабѣ такая мѣра никогда не примѣнялась, даже въ самыя суровыя времена“, но еще главнымъ образомъ потому, что съ изданіемъ устава о воинской повинности 1 января 1874 г., объявившаго „защиту Престола и Отечества священною обязанностью каждого русскаго подданнаго“, наказаніе военной службой, казалось отошло, въ область прошлаго.

Съ другой же стороны, любопытно отмѣтить происшедшую при этомъ перемѣну во взглядахъ: при обсужденіи проекта устава о воинской повинности нѣкоторые сановники высказывали опасенія относительно

но проникновения в солдатскую среду людей образованных. Тогдашние упр. госуд. коннозав. Гринвальдъ и товарищъ м-ра и. д. Вестманъ находили (см. Джаншиевъ. Эпоха великихъ реформъ, изд. 7, стр. 547—548), что обшечіе нижнихъ чиновъ съ образованными молодыми людьми поколеблетъ воинскую дисциплину и внесетъ въ возрѣнія первыхъ представления, чуждыя государственнымъ интересамъ; кромѣ того, Вестманъ, усматривая въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени черту неблагонамѣренности, признавалъ нужнымъ лицъ, получившихъ высшее образование, освободить отъ военной службы срокомъ на десять лѣтъ; по истеченіи же 10-лѣтней давности слѣды вреднаго направленія, воспринятаго съ высшимъ образованіемъ, по мнѣнію Вестмана, стираются безвозвратно.

По справедливому замѣчанію редакціи, судить о пригодности этой рѣшительной мѣры „для исправленія заблудшихъ“ представлялось бы весьма рискованнымъ: всякія сужденія были бы апіорны и, „оправдываясь по отношенію къ однимъ, могутъ противорѣчить въ отношеніи другихъ дѣйствительнымъ результатамъ въ зависимости отъ индивидуальных особенностей характера, обстановки, среды и т. д.“ Между тѣмъ, по смыслу 5 ст. временныхъ правилъ, зачисленію въ войска подлежатъ *все* удаленные изъ высшихъ учебныхъ заведеній, оно является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увольненія воспитанника за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Впрочемъ, продолжаетъ редакція, этому выводу противорѣчить, съ другой стороны, то обстоятельство, что въ „исключительномъ перечнѣ лицъ, обязанныхъ отбыть повинность, отъ которой они по общему закону свободны и которая, слѣдовательно, для нихъ отнюдь не повинна, законъ умалчиваетъ о тѣхъ, которые уже привлекались къ отбыванію повинности и такъ или иначе исполнили ее, или перешли за тотъ возрастъ, когда еще допускается зачисленіе въ войска; такъ какъ, по общему правилу, исключительные законы не подлежатъ распространительному толкованію, то молчаніе закона, очевидно, не можетъ быть истолковано въ неблагоприятномъ смыслѣ для указанной категоріи лицъ“.

„Такимъ образомъ, говоритъ редакція, предъ нами крупное недоумѣніе, порождаемое текстомъ временныхъ правилъ“. Едва ли, однако, съ этимъ послѣднимъ утвержденіемъ можно согласиться. Хотя несомнѣнно диктуемое временными правилами зачисленіе въ войска лицъ, достигшихъ призывнаго возраста, лишеніе льготъ и т. п. имѣетъ несомнѣнно пенитенціарный характеръ, тѣмъ не менѣе въ первой статьѣ ихъ сказано, что удаленные подлежатъ „зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности“. Да и называются эти правила правилами объ отбываніи повинности, а не о сдачѣ въ солдаты, изъ чего слѣдуетъ, что военная служба и въ данномъ случаѣ остается повинностью, а такъ какъ по основному началу устава 1 января 1874 г. повинность отбывается одинъ разъ и временныя правила въ этомъ отношеніи никакого исключенія не дѣлаютъ, то очевидно, что удаляемые изъ заведеній воспитанники, уже отбывшіе повинность до поступленія въ заведеніе, не могутъ подлежать вторичному зачисленію въ войска Равнымъ образомъ, временныя правила не могутъ быть примѣняемы къ тѣмъ лицамъ, проступки которыхъ, въ виду исправнаго отбытія воин-

ской службы на основаніи настоящихъ правилъ (ст. 10), подлежать забвенію, но которые, по вторичномъ вступленіи въ университетъ, вновь окажутся виновными въ учиненіи скопомъ безпорядковъ. Помимо же указанныхъ изъятій, необходимо еще отмѣтить, что, уничтожая тѣ льготы, которыя установлены закономъ не столько въ интересахъ призываемаго на службу, сколько въ интересахъ его семьи (льгота по семейному положенію) и призывая такимъ образомъ вновь къ жизни вымирающее начало кары кровныхъ преступника, временныя правила въ числѣ исключеній ст. 1 не упоминаютъ о льготѣ по имущественному положенію (ст. 60 уст. воин. пов.) и, слѣдовательно, лица, управляющія лично собственнымъ недвижимымъ имуществомъ и т. п., составляютъ третью группу воспитанниковъ, свободныхъ отъ дѣйствія временныхъ правилъ. Создаваемая такимъ путемъ неравнобѣжность положенія учащихся едва ли соответствуетъ какъ требованіямъ цѣлесообразной педагогики, такъ и задачамъ уголовной политики.

Временныя правила предоставляютъ особыя полномочія подлежащимъ министрамъ, рѣшенія коихъ, какъ гласитъ ст. 6 (п. а) не подлежатъ обжалованію. Само собою разумѣется, что усмотрѣніе министра ограничивается оцѣнкой фактическихъ обстоятельствъ того или другого случая и рассматриваемое правило не устраняетъ дѣйствія 2 ст. учр. Сената о надзорѣ за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, тѣмъ болѣе, что, даже при глубокой вѣрѣ въ благотворное дѣйствіе новыхъ правилъ, нельзя не согласиться, что они „не сообразены“ съ духомъ и буквой дѣйствующихъ узаконеній, и поэтому если лишитъ Пр. Сенатъ его основной компетенціи—поясненія законовъ, и передать эту функцію министрамъ, то основная черта правилъ—неравнобѣжность дѣйствія—можетъ быть значительно обострена разнообразіемъ толкованія.

Г. Д. Л. въ замѣткѣ по поводу „положенія о взиманіи окладныхъ сборовъ съ крестьянъ“ напоминаетъ, что наша податная система не удовлетворяетъ общепризнанному въ образованномъ мѣрѣ принципу, чтобы за податъ отвѣчалъ объектъ нея.

„Несмотря на уничтоженіе подушной подати, — справедливо замѣчаетъ г. Тернеръ, — налогъ и выкупной платежъ все еще остаются въ нѣкоторой мѣрѣ связаны съ лицомъ плательщика; за нихъ отвѣчаетъ не одна земля, которая должна бы составлять объектъ налога“.

Новый законъ, по мнѣнію автора, далекъ, однако, отъ того, чтобы быть коренной реформой, измѣняющей самыя основы нашей исконной, незапамятной податной организаціи. „Раскладочный механизмъ, остается въ силѣ и по новому закону. Машина сохраняется почти цѣликомъ; уменьшается только то давленіе, которое приводило ее въ дѣйствіе, и принимаются нѣкоторыя мѣры для избѣжанія излишняго тренія“.

Круговая порука оставлена въ обществахъ съ общиннымъ владѣніемъ землею, за исключеніемъ тѣхъ обществъ, которымъ отведенъ надѣлъ менѣе чѣмъ на 60 рев. душъ, и сохранена почти вся та коллекція мѣръ, которая примѣнялась до тѣхъ поръ для взысканія недоимокъ: „уничтожена только одна мѣра, непосредственно направленная на личность плательщика отдача его и членовъ его семейства въ заработки“.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается 2-й листъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акд. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

1. Засѣданіе Московской судебной палаты по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Затѣмъ, спрошенъ былъ экспертъ *Парчевскій*. Заключение его сводится къ слѣдующему. Изъ числа 73 имуществъ, назначенныхъ къ принудительной продажѣ, только 15 имѣли по одной сверхсрочной недоимкѣ, по остальнымъ же недоимки превышали дозволенную уставомъ льготу въ слѣдующей пропорціи: по всѣмъ 73 имуществамъ ко времени торговъ было въ недоимкѣ 344 полугодія, т. е. въ среднемъ на каждомъ имуществѣ было свыше четырехъ полугодій. Имущества эти не продавались и оставались за обществомъ, которое продолжало производить уплату срочныхъ платежей за счетъ несуществующаго заемщика, и количество просроченныхъ платежей увеличивалось. Ко дню дѣйствительной продажи, на 101 имуществѣ числилось уже 564 просроченныхъ платежа, т. е. свыше 5 на каждое имущество. Съ возрастаніемъ числа просроченныхъ полугодичныхъ платежей росли и убытки, и по счетамъ бухгалтерин ихъ оказалось 800,515 р., покрытыхъ изъ доходовъ общества. По мнѣнію эксперта, порядокъ по уставу долженъ бы быть такой, что по окончаніи года, если бы даже имущество осталось непроданнымъ, счетъ по оному долженъ былъ ликвидированъ и ссуда должна была погашена. При этомъ кредитное общество освобождалось бы отъ отвѣтственности уплаты роста по облигаціямъ, выпущеннымъ подъ то имущество, т. е. прекращало бы свои платежныя обязательства въ отношеніи оставшихся за нимъ и непроданныхъ имуществъ. Затѣмъ, такое имущество переводится въ разрядъ особаго счета непроданныхъ имуществъ, оставшихся за кредитнымъ учрежденіемъ, а по продажѣ вырученная сумма ставится на счетъ возвратныхъ прибылей того года, въ которомъ продажа осуществилась. При соблюденіи этого порядка, общество понесло бы меньше убытка, чѣмъ оно понесло въ дѣйствительности. Такъ напримѣръ, 3 сентября 1890 г. за кредитнымъ обществомъ осталось имущество товарищества пиво и медоваренія съ капитальнымъ долгомъ въ 362,910 р., 14 февраля 1895 г. имущество это было продано за 350,000 тыс. рублей, — цѣну, близко подходящую къ капитальному долгу. Между тѣмъ, продравъ въ своемъ распоряженіи этотъ залогъ 5 лѣтъ, правленіе обязано было оплачивать купоны по облигаціямъ, что за 10 полугодій составило однихъ срочныхъ и сверхсрочныхъ платежей 158,106 р.; они и составляютъ убытокъ, котораго избѣжали бы своевременною продажей залога даже по значительно пониженной цѣнѣ. Затѣмъ, на предложенные ему вопросы, экспертъ пояснилъ, что подъ исправнымъ положеніемъ залога, дающимъ по 88 § устава право на получение дополнительной ссуды, онъ разумѣетъ, что имущество не обезцѣнено, а не отсутствіе сверхсрочныхъ недоимокъ, потому что имущество съ сверхсрочной недоимкой должно быть продано. Требованіе § 73, что оставшееся за обществомъ имущество должно быть продано по истеченіи года, онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что имущество не можетъ оставаться за обществомъ болѣе года. Уставъ Нижегородско-Самарскаго банка, въ которомъ служить экспертъ, требуетъ продажи такихъ имуществъ въ теченіе года. На вопросъ защитника Шильдбаха, прис. пов. Рейнбота, экспертъ признаетъ, что на остающемся за кредитнымъ учрежденіемъ имуществѣ можетъ быть три законныхъ недоимки: одна, за которую имущество поступало на торги, и двѣ, образовавшіяся за время нахождения имущества въ распоряженіи кредитнаго учрежденія, т. е. въ теченіе года. При такомъ расчетѣ оказывалось, что по нѣкоторымъ изъ помѣ-

щенныхъ въ составленномъ экспертомъ перечнѣ имуществъ ко дню дѣйствительной продажи оказывалось только по одной незаконной недоимкѣ, и недоимка эта была бы и въ томъ случаѣ, если бы имущества эти были назначены въ продажу даже черезъ нѣсколько дней по истеченіи годичнаго срока. Такъ напримѣръ, имущество подъ № 84 осталось за обществомъ въ августѣ 1893 года; годичный срокъ оканчивался въ концѣ августа 1894 года, а продано оно было въ январѣ 1895 года при четырехъ недоимкахъ, слѣдовательно, только при одной незаконной; но она была бы налицо и въ томъ случаѣ, если бы продажа состоялась даже въ началѣ сентября, такъ какъ четвертый платежъ наступалъ 1 сентября 1894 года.

Обвиняемый Герике обратился къ эксперту съ вопросомъ, существуютъ ли въ Нижегородско-Самарскомъ банкѣ ссуды, при которыхъ въ погашеніе уплачивается въ годъ 1%, и на какой срокъ такіа ссуды выдаются? На этотъ вопросъ экспертъ не могъ дать отвѣта: въ его банкѣ существуетъ очень много сроковъ ссудъ, и расчета погашенія безъ таблицъ онъ указать не можетъ. Г. Герике считалъ очень важнымъ разъяснить этотъ вопросъ, но палата нашла это излишнимъ, такъ какъ обвиняемый не могъ объяснить, для чего именно это нужно.

Эксперты *и. Шиловъ*, *Горбневъ*, *бар. Осенъ-Сакенъ* и *Тольманъ* въ заключеніи своемъ высказали, что отчеты Московскаго городского кредитнаго общества вообще страдаютъ неясностью, запутанностью и отсутствіемъ единообразія, и въ нихъ сознательно допущены неправильности, имѣющія цѣлью скрыть убытки и тѣмъ самымъ истинное положеніе дѣлъ общества. Въ особенности это относится къ тѣмъ мѣстамъ отчетовъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ убыткахъ отъ продажи оставшихся за обществомъ домовъ. Такъ, въ отчетѣ за 1893 — 94 г. прибыль была показана въ суммѣ 2,774 р. 71 к., между тѣмъ такой прибыли не было, ибо недоимка по проданному въ этомъ году дому Буцковской въ суммѣ 20,248 р. 57 к. не была списана въ убытокъ, а оставлена на активѣ баланса въ статьѣ „остается просроченныхъ платежей по имуществамъ, оставшимся въ вѣдѣніи общества“, тогда какъ эта сумма составляла безвозвратную потерю, которую слѣдовало списать со счета прибылей и запаснаго капитала вмѣстѣ съ капитальнымъ долгомъ и расходами по имуществу. Въ томъ же отчетѣ не списаны въ убытокъ 10,359 р. 14 к., составляющіе срочный платежъ по имуществу Борисовской, укрѣпленному за обществомъ. Этотъ платежъ, составлявшій уплату обществомъ купоновъ по выпущеннымъ подъ этотъ домъ облигаціямъ, прежде ежегодно носился въ убытокъ. Если присоединить сюда неправильную запись выдачи Ярмонкину 2,924 р. 31 к., то окажется, что годъ долженъ быть заключенъ дефицитомъ въ 30,757 р. 31 к. Объясненія главнаго бухгалтера Медіанова только подтверждаютъ заключеніе о томъ, что неправильности отчетовъ имѣли цѣлью сокрытіе убытковъ. Тотъ же пріемъ усмотрѣнъ экспертами и въ слѣдующемъ году, который законченъ убыткомъ въ 15,591 р. 53 к., но убытокъ этотъ въ отчетѣ не указанъ ясно и точно, а усматривается только изъ сопоставленія остатковъ запаснаго капитала на 1-е сентября 1894 г. — 1,128,815 р. 5 к. и на 1-е сентября 1895 г. — 1,113,223 р. 52 к. Этотъ дефицитъ долженъ быть еще увеличенъ убыткомъ по продажѣ имуществъ Абрамовыхъ и Гуськова въ суммѣ 55,491 р. 43 к. Если несвоевременное снесеніе въ убытокъ недоимокъ по домамъ Абрамовыхъ и Гуськова можетъ быть объяснено принятой въ обществѣ неправильною системою сносить такіа недоимки въ убытокъ не въ моментъ продажи иму-

¹⁾ См. Право № 40.

щества, а только при окончаніи расчетовъ съ покупателей, то счетъ по дому Бупковской и этой системой объяснить нельзя, такъ какъ домъ этотъ былъ проданъ съ переводомъ долга на 1-е марта, слѣдовательно, переводъ долга уже сдѣланъ, расчеты окончены, убытокъ точно опредѣленъ, и онъ никоимъ образомъ не долженъ былъ значиться въ суммѣ остатка недоимокъ по имуществамъ, оставшимся за обществомъ, такъ какъ убытокъ есть потеря, а не недоимка. Далѣе, по уставу, убытки по продажѣ домовъ должны списываться изъ запаснаго капитала, между тѣмъ въ кредитномъ обществѣ они списывались съ прибыли подъ рубрикою „расходовъ“. Не говоря уже о томъ, что понятіе о „расходѣ“ далеко не тождественно съ понятіемъ о безвозвратномъ убыткѣ, такой порядокъ давалъ возможность скрывать потери отъ продажи домовъ, пока общество имѣло прибыль, и онъ обнаруживаются только при недостаткѣ прибыли, какъ это и было при заключеніи отчета за 1893—1894 г. Въ отчетѣ за 1890—1891 г. говорится: „списаны со счетовъ оставшіеся непокрытыми расходы по домамъ, оставшимся въ вѣдѣніи общества,—76,462 р. 92 к.“, тогда какъ въ этой суммѣ, кроме дѣйствительныхъ расходовъ, заключаются и убытки отъ продажи домовъ въ суммѣ 53,378 р. 99 к., которые слѣдовало списать съ запаснаго капитала. Этотъ приемъ замѣчается и во всѣхъ послѣдующихъ отчетахъ. Въ отчетахъ съ 1890 по 1894 г. на активѣ (дебетъ) поставленъ счетъ „просроченныя платежи“ по имуществамъ, находящимся въ вѣдѣніи общества, которыхъ въ отчетѣ за 1893—1894 г. было уже 552,089 р. 46 к. Эти суммы составляютъ собственно производимые правленіемъ платежи по купонамъ облигацій, выпущенныхъ подъ имуществомъ, находившіяся въ вѣдѣніи общества. Эти имущества послѣ торговъ оставались за обществомъ, которое, становясь въ положение заемщика, должно было оплачивать полугодовые купоны облигацій, что производилось изъ наличныхъ средствъ общества. Такимъ образомъ, по этому счету не было ни заемщика, ни недоимки, а производилась лишь уплата обществомъ лежащаго на немъ долга. Такой счетъ можетъ считать лишь пассивъ, а между тѣмъ въ балансахъ общества до 1894 г. эти суммы ставились въ активѣ. Ни въ исторической части отчетовъ, ни въ вѣдомостяхъ никакихъ разъясненій по этому счету не дѣлалось, а между тѣмъ, этому счету соответствовалъ счетъ капитальнаго долга по имуществамъ, оставшимся за обществомъ, въ которомъ эти имущества показывались въ полной суммѣ выданныхъ ссудъ, тогда какъ эти имущества по дѣйствительному своему состоянію полной цѣны не оправдывали.

Во всѣхъ пяти отчетахъ общества имѣется счетъ капитальнаго долга по имуществамъ, находящимся въ вѣдѣніи общества. Въ отчетѣ за 1890—1891 годъ по этому счету значится 1.123,394 р. 6 к., въ 1893—1894 году — уже 2.524,836 р. 6 к. и только въ отчетѣ 1894—1895 года, послѣ распоряженія министра финансовъ, эта сумма уменьшилась до 1.073,520 р. 58 к. Въ этихъ счетахъ правленіе, однако, не показывало тѣхъ имуществъ, которыя, оставаясь за обществомъ, продавались по полной цѣнѣ, между тѣмъ какъ во всѣ эти годы такія продажи были и съ убытками для общества. Убытки эти сносились правленіемъ со счета прибыли подъ видомъ расходовъ. Сумма этихъ убытковъ за пять лѣтъ по подсчету экспертовъ составляетъ 134,796 руб. 92 к.

Къ иному заключенію пришелъ приглашенный защитой экспертъ *Езерскій*. По его мнѣнію, никакихъ неясностей въ отчетахъ кредитнаго общества не было. Нѣкоторыя особенности счетоводства объясняются принятой въ обществѣ системой, но ничего неправильнаго не представляютъ. Если понесянные обществомъ отъ продажи оставшихся за нимъ домовъ убытки не показывались въ отчетахъ прямо и ясно отдѣльной статьей въ дефицитъ, то это дѣлалось только для того, чтобы оглашеніемъ убытка

не вызвать паники на биржѣ и не уронить курсъ облигацій. Это, по мнѣнію эксперта, совершенно согласно и съ уставомъ кредитнаго общества, который предписываетъ списывать убытки съ запаснаго капитала именно затѣмъ, чтобы не пугать публику убытками. Уменьшеніе запаснаго капитала не такъ скоро замѣтятся, а прямо названная цифра убытка можетъ вызвать панику на биржѣ.

По просьбѣ защиты, экспертамъ предложенъ былъ вопросъ: если принять сумму выданныхъ московскимъ городскимъ кредитнымъ Обществомъ ссудъ въ 156.000,000 р., а сумму убытковъ примѣрно въ 100,000 р., то какая сумма убытковъ придется на долю каждого изъ гражданскихъ истцовъ? По расчету экспертовъ оказалось, что изъ каждыхъ 100,000 р. убытковъ на долю кн. Урусова приходится 52 р., на долю Вишнякова 21 р. на долю Пржевальскаго 39 р., доли остальныхъ выразятся въ еще меньшихъ суммахъ—отъ 8-ми до 4-хъ р.

Послѣ судебного слѣдствія начались заключительныя пренія обвинительнаго рѣчью тов. прок. С. Л. *Лузина*. Въ засѣданіе прибылъ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ и пробылъ около часа.

Долгое время спокойно и безшумно творили свое хищническое дѣло дѣятели кредитнаго общества. Случайныя, рѣдкія разоблаченія отдѣльных фактовъ не беспокоили ихъ. Но вотъ проникли за эти крѣпкія стѣны люди интеллигентные, и покой былъ нарушенъ: начались запросы о недоимкахъ, объ убыткахъ и т. п. Моментъ былъ въ сущности удобный для поворота на правильную дорогу, но это оказалось невозможнымъ. Нашелся человекъ, который могъ бы оказать обществу большія услуги, это—Герике, но онъ мечталъ перемѣнить председательское кресло въ наблюдательномъ комитетѣ на директорское и обольстилъ общія собранія проектомъ измѣненія устава. Проектъ этотъ долженъ былъ служить какъ бы указаніемъ на то, что всѣ существовавшіе беспорядки проистекали изъ несовершенствъ прежняго устава. Проектъ былъ отвергнутъ властью, но въ директоры Герике, все-таки, прошелъ. Ему были рады, его товарищи по правленію были увѣрены, что онъ,—юристъ стараго закала, сумѣетъ достаточно неопредѣленно и туманно дать отвѣтъ на всѣ докучные запросы. Въ этой увѣренности они продолжаютъ свою прежнюю дѣятельность, рассчитанную на послушное большинство общихъ собраний, составленныхъ изъ недоимщиковъ, осыпаемыхъ правленіемъ всякими дарами, и такихъ облигационеровъ, какъ, на примѣръ, Сысоевъ, не имѣвшій ни кола, ни двора и приведенный въ общее собраніе постояннымъ комисонеромъ общества и очень близкимъ правленію Генераловымъ, указывавшимъ ему, куда класть шары. Директоры оправдываются тѣмъ, что не они, а наблюдательный комитетъ вѣдалъ и составъ, и занятія общихъ собраний, но вѣдь и члены наблюдательнаго комитета избирались на тѣхъ же подтасованныхъ общихъ собраніяхъ. Эти собранія дѣлали все, что отъ нихъ требовалось, и можно быть увѣреннымъ, что если бы гг. Герике, Шильбахъ и Цвѣтухинъ потребовали бы, чтобы ихъ бюсты еще при жизни ихъ были выставлены въ залахъ общества, то общее собраніе и это исполнило бы. Кто же были эти директоры? Герике—отставной писмоводитель уѣзднаго суда, не получившій высшего образованія и попавшій въ присяжные повѣренные только по льготнымъ правиламъ прежняго времени, Цвѣтухинъ—отставной канцелярей, Шильбахъ—отставной штабсъ-капитанъ,—все люди, которые не могли воспитать въ себѣ идеалы общественнаго дѣятеля, а въ ихъ рукахъ были судьбы одного изъ лучшихъ, по мысли, учреждений Москвы. Противъ нихъ была небольшая кучка интеллигентныхъ и честныхъ людей, которые, видя, наконецъ, полную невозможность справиться со слѣпо исполняющими волю правленія собраниями, обратились, наконецъ, за содѣйствіемъ къ министру финансовъ. Назначена была ревизія, о результатахъ

ея было доложено собранію уполномоченныхъ, замѣнившему прежнія общія собранія, но собраніе и ихъ выдать не желаетъ. Оставалось послѣднее средство,—обратиться къ судебной власти. Недовольное меньшинство это и сдѣлало. Въ результатъ—настоящее дѣло. Послѣ этой общей характеристики обвинитель перешелъ къ отдѣльнымъ пунктамъ обвиненія. Разсмотрѣвъ ихъ подробно и признавая вполне доказанными, обвинитель указалъ, что не будъ небольшой кучки честныхъ людей и своевременнаго вмѣшательства власти, подсудимые окончательно погубили бы такое полезное и симпатичное учрежденіе, какъ кредитное общество, и потому обвинительный приговоръ необходимъ, но наказаніе можетъ быть смягчено, такъ какъ безпорядки въ кредитномъ обществѣ начались еще до подсудимыхъ, и они были только ихъ продолжателями.

Тов. прок. *П. Г. Курловъ* поддерживалъ обвиненіе противъ члена наблюдательнаго комитета Грачева и служившаго въ бухгалтеріи кредитнаго общества мѣшанина Михайлова въ полученіи подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія принадлежащихъ обществу денегъ и въ подлогахъ, выразившихся въ томъ, что они подговорили другихъ лицъ, не бывшихъ комиссіонерами, подписать заявленіе о выдачѣ имъ комиссіоннаго вознагражденія и расписать въ его полученіи.

Повѣренный гражданскаго истца Вишнякова, *прис. пов. кн. А. И. Урусовъ*, напомнилъ прежде всего объ отводѣ, заявленномъ противъ гражданскихъ исквъ защитникомъ Шильдбаха, *прис. пов. Рейнботомъ. Г. Рейнботъ* полагаетъ, что обвиняемые не подлежатъ гражданской отвѣтственности, потому что всѣ ихъ дѣйствія, хотя бы они и причинили убытокъ, утверждены и одобрены общими собраніями. Истцамъ въ настоящее время уже нѣтъ надобности считаться съ этими соображеніями, уже отвергнутыми опредѣленіемъ судебной палаты, но они важны, какъ показатели глубины заблужденія г. директоровъ, подъ влияніемъ котораго они дѣйствовали и съ которымъ явились сюда. Указывали и на ничтожность ущерба для отдѣльныхъ лицъ. Но въдѣ убытокъ не исчерпывается уже понесенными потерями, дѣло не въ однихъ потеряхъ въ прошедшемъ, — потеряхъ миллионныхъ, но и въ томъ, что можетъ предстоять въ будущемъ. Главный штабъ сидитъ здѣсь, но кадры арміи еще дѣйствуютъ, и если все пойдемъ по прежнему, то въ будущемъ—неминуема ликвидація. Глубокое общественное значеніе этого дѣла въ томъ, что здѣсь мы видимъ полное извращеніе выборнаго начала, пародію самоуправленія, систему долготѣннато расхищенія съ развитіемъ спекуляціи и самаго низкопробнаго маклчества, возвращеніе массы зрѣлищемъ безнаказаннаго и прибыльнаго беззаконія, видимъ, по выраженію свидѣтеля Щепкина, „гибель общественнаго довѣрія и общественнаго достоянія“. Дѣло это, похожее на знакомые уже банковскіе крахи, отличается отъ нихъ своимъ затыжнмъ характеромъ. Фактическая сторона дѣла уже исчерпана, и кн. Урусовъ намѣренъ обратить вниманіе на систему преступной дѣятельности заправилъ кредитнаго общества, взглянуть на дѣло не со стороны, какъ обличителя, а возсоздать обстановку, въ которой дѣйствовали обвиняемые, постараться понять ихъ, какъ они сами себя понимаютъ. Уставъ не давалъ возможности для развитія спекуляціи. Слѣдуя уставу, кредитное общество, по выраженію того же Щепкина, играло бы въ безпроигрышную лотерею. Но извѣстно, много ли можно выиграть въ безпроигрышной лотереѣ! Нужно было обойти уставъ, и его обходить, осторожно, послѣдовательно, и иппотечное учрежденіе превращается въ банкъ ссудокомиссіонный. Прежде всего, конечно, нужно было заручиться покорной массой избирателей и установить прочную власть правленія. Кн. Урусовъ напоминаетъ, къ какимъ способамъ прибѣгали для составленія покорныхъ общихъ собраній и какъ ими

руководили. Собранія были отлично дисциплинированы, выборы оказались всецѣло въ рукахъ правленія, и дѣло дошло до того, что для нѣкоторыхъ должностей директора сдѣлалась пожизненною и даже наследственной. К. К. Шильдбахъ оказался пожизненнымъ директоромъ, его замѣнилъ его сынъ А. К., послѣ него вступаетъ въ директоры его братъ С. К., обвиняемый, а А. К. предсѣдательствуетъ на общемъ собраніи, которое рассматриваетъ отчеты С. К., и утверждаетъ ихъ. С. К. Шильдбахъ оказывается тоже несмѣняемымъ, даже послѣ преданія его суду. При такихъ порядкахъ подчиненіе правленію остальныхъ органовъ управленія — оцѣночной комиссіи и наблюдательнаго комитета — является уже вполне естественнымъ. Теперь правленіе могло дѣйствовать свободно. Растрата казначея Анитова обращается въ прочетъ, въ обезпеченіе 55,000 р. слишкомъ недоимки Гириша директоръ Цвѣтухинъ беретъ векселя на свое имя, проходятъ удивительныя оцѣнки, переоцѣнки и перезалоги, какъ перезалогъ Смирновскаго или операція съ домомъ Дитмара, земля котораго при приемѣ въ залогъ была оцѣнена по 6 р. за сажень, а когда онъ пожелалъ часть земли исключить изъ залога и продать, ее оцѣнили только по 3 р., залогъ Буцковской и другихъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ есть даже элементъ чудеснаго. На купленный матерью Генералова въ кредитномъ обществѣ домъ совершается въ тотъ же день 2-я закладная на имя Шильдбаха, домъ сгораетъ и страховая премія идетъ на погашеніе этой закладной. Тою же Генераловой покупается другой домъ, опять совершается закладная на имя Шильдбаха, выдается изъ кредитнаго общества дополнительная ссуда, затѣмъ домъ сгораетъ, и страховою преміею погашается закладная Шильдбаха. Вводится вознагражденіе за комиссію по продажѣ домовъ, причемъ въ полученіи денегъ расписываются очень часто лица, никакихъ комиссіонныхъ дѣйствій не совершавшія, и деньги, вѣроятно, для упрощенія дѣла, прямо изъ кассы относятся въ правленіе. Правленіе чувствовало себя настолько прочнымъ, что даже властный окрикъ министра финансовъ: „Что вы дѣлаете?“, даже прямые его приказанія игнорируются собраніемъ, которое вмѣсто того увеличиваетъ число директоровъ, т. е. увеличиваетъ расходы общества.

Правленіе не забыло и счетоводства. Въ качествѣ главнаго бухгалтера былъ приглашенъ г. Медіановъ. Онъ былъ, пожалуй, правъ, когда говорить, что бухгалтерія не наука, а искусство: дѣятельность правленія кредитнаго общества нуждалась въ особой бухгалтеріи, относящейся болѣе къ области художества. Разсмотрѣвъ затѣмъ всѣ извѣстныя уже особенности счетоводства и отчетовъ кредитнаго общества, кн. Урусовъ закончилъ свою рѣчь приблизительно такъ: „Возникшее на первыхъ порахъ эпохи реформъ, кредитное общество сумѣло сохранить всѣ традиціи добраго стараго времени: въ его отчетахъ мы встрѣчаемъ темноту и умилно-торжественный токъ („правленіе счастливо“), и тонъ почтительный („наблюдательный комитетъ повергаетъ“), и завѣтное искусство отговорокъ и отписокъ,—драгоценное наследіе московскихъ подъячихъ, и, наконецъ, столь любезную сердцу обывателей доступность, въ смыслѣ добровольныхъ соглашеній и благодарностей. Словомъ—духъ покойной управы благочинія. Всѣ мѣры исправленія недостатковъ въ распорядкахъ общества были уже испытаны и оказались мало дѣйствительными. Задача суда, какъ органа общественнаго оздоровленія, въ томъ, чтобы устранить болѣзнетворные элементы, и теперь дѣло за судомъ“.

Защитникъ покойнаго предсѣдателя правленія Цвѣтухина, *прис. пов. Тисленко*, указалъ, что вопросы о кредитномъ обществѣ, объ его правленіи уже достаточно разработаны въ рѣчахъ предшествовавшихъ ораторовъ; его рѣчь будетъ о покойномъ Цвѣтухинѣ. Чтобы судить человѣка, надо его знать, а чтобы знать его, надо видѣть. Ни то, ни другое

по отношенію къ Цвѣтухину невозможно, и защита не имѣетъ средствъ возсоздать образъ Цвѣтухина въ живыхъ и яркихъ краскахъ. Но тѣ немногіе штрихи, которые разбросаны по дѣлу о личности покойнаго, надо собрать вмѣстѣ, а чтобы ихъ освѣтить, надо сначала взглянуть на обстановку, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Цвѣтухинъ. Здѣсь много говорили о партіяхъ, о партійной борьбѣ, въ кредитномъ обществѣ. Какъ во всякой борьбѣ, и здѣсь сосредоточили все вниманіе на отдѣльныхъ лицахъ, на герояхъ, а о толпѣ забыли. А между тѣмъ, эта толпа, эта сѣрая масса и была настоящимъ хозяиномъ общества и дала направленіе его дѣятельности. Членъ общества—выборщикъ—мелкій, невѣжественный торговый человекъ. Онъ робокъ, уступчивъ до тѣхъ поръ, пока дѣло касается его рублей, но лишь только затрогиваются его матеріальные интересы, онъ пойметъ, что ему надо, и постояитъ за себя. Кого же эта толпа могла выбирать на должности директоровъ, во власти которыхъ взыскивать недоимки, давать ссуды, продавать дома за долги? Конечно тѣхъ, кто подобреѣ, кто дастъ побольше, будетъ снисходительнѣе къ неисправностямъ. Исторія кредитнаго общества даетъ яркіе примѣры вліянія массы на ходъ дѣлъ. Въ 1873 г. общимъ собраніемъ, вопреки уставу, было отмѣнено взиманіе полпроцентнаго сбора въ запасный капиталъ. Правленіе, во главѣ съ вліятельнымъ К. К. Шильдбахомъ, было противъ этого, но собраніе не послушало ихъ. Когда уже въ 90-хъ годахъ г. Герике просилъ собраніе возстановить сборъ, хотя бы въ размѣрѣ четверти процента и говорилъ, что, отказывая въ этомъ, собраніе надбѣваетъ петлю на правленіе, ему съ цинизмомъ кричали: „Мы вамъ дадимъ эту петлю!“ Вотъ факты, доказывающіе, что правленіе дѣйствовало подъ давленіемъ избирателей. Такъ создалась партія льготъ и послабленій, сильная своею численностью,—сильная тѣмъ, что ея программа выходила изъ желаній массы. Держать ея, можетъ быть, неправильно, но это не составляетъ преступленія,—тутъ неправильное пониманіе, а не злонамѣренность.

Присяжный повѣренный Курловъ, другой защитникъ Цвѣтухина, тоже не видѣлъ преступленія въ дѣйствіяхъ правленія. Ревизія констатировала неясность и запутанность отчетовъ, но въ дѣло это—не преступленіе. Указано затѣмъ на неправильность и преувеличенность оцѣнокъ, но что же было сдѣлано для провѣрки этихъ оцѣнокъ, кто ихъ провѣрялъ? Былъ приглашенъ Вейденбаумъ, архитекторъ конкурирующаго съ кредитнымъ обществомъ учрежденія, Московскаго земельного банка, и оцѣнку его нельзя признать вполне безпристрастной. Преувеличенность оцѣнокъ по доходности доказывается сравненіемъ съ городскими оцѣнками, но этотъ приемъ неправильный, такъ какъ городскія оцѣнки всегда ниже дѣйствительныхъ. Что вообще оцѣнки кредитнаго общества не выше нормальныхъ, лучшимъ доказательствомъ служить то, что когда начался отливъ залоговъ изъ кредитнаго общества въ акціонерные банки, то оказалось, что имущества, оцѣненные кредитнымъ обществомъ въ 15 милл. руб., были приняты въ земельныхъ банкахъ по оцѣнкѣ въ 20 милл. Но почему же, спросятъ, дома оставались за обществомъ, если оцѣнки были правильныя? Вслѣдствіе кризиса. Существованіе кризисовъ признавали и свидѣтели обвиненія Алексѣевъ, Дритенпрейсъ и другіе. По поводу обвиненія въ накопленіи недоимокъ защитникъ, между прочимъ, указалъ на рѣшеніе гражданскаго кассационнаго департамента Сената, которымъ было разъяснено, что продажа домовъ за недоимки есть право, а не обязанность правленія. Что касается до комиссіонеровъ въ комиссіоннаго вознагражденія, то коммерческая дѣятельность въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Москва, не можетъ обходиться безъ комиссіонеровъ, и когда явилась необходимость продавать оставшіяся за обществомъ дома,

пришлось и ему прибѣгнуть къ комиссіонерамъ и къ выдачѣ имъ вознагражденія. Маскировать частое появленіе Генералова при комиссіонныхъ операціяхъ приходилось потому, что ему завидовали его товарищи.

Защитникъ Грачевъ, *присяжный повѣренный Харитоновъ 2-ой* указалъ на то, что по обвинительному акту Грачевъ обвинялся, во-первыхъ, въ томъ, что, состоя членомъ наблюдательнаго комитета московскаго городского кредитнаго общества, онъ по предварительному соглашенію съ директорами правленія получилъ подъ видомъ комиссіоннаго вознагражденія ввѣренную послѣдними по службѣ денежную сумму, каковую употребилъ на свои нужды, не возвратилъ ее по обнаруженіи злоупотребленія, и, во-вторыхъ, въ томъ, что по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью сокрытія полученія имъ указанной выше суммы, подготовилъ другое лицо, не бывшее комиссіонеромъ, послать заявленіе въ правленіе о назначеніи ему комиссіоннаго вознагражденія и выдать расписку въ полученіи таковаго. Между тѣмъ теперь, въ обвинительной рѣчи, прокуроръ ему приписываетъ уже участіе въ составленіи объ этомъ вознагражденіи подложнаго журнала правленія. Такое измѣненіе обвиненія не можетъ быть допущено, и онъ будетъ имѣть дѣло съ обвиненіемъ, ранѣе предъявленнымъ. Для Грачева не имѣетъ никакого значенія вопросъ о томъ, правильно или неправильно дѣйствовало правленіе, выдавая комиссіонное вознагражденіе. Для него важно установить, что онъ самъ считалъ эту выдачу правильной. Все, что онъ видѣлъ, могло только утвердить его въ этомъ убѣжденіи: вознагражденіе выдавалось по журнальнымъ постановленіямъ правленія, подписаннымъ всеми директорами и утвержденнымъ наблюдательнымъ комитетомъ и, наконецъ, общее собраніе признало выдачу комиссіоннаго вознагражденія правильной, и если въ 1897 г. собраніе уполномоченныхъ отмѣнило его, то въ дѣло это было вполне понятно; въ это время уже никакихъ домовъ за обществомъ не оставалось. Грачевъ никакими комиссіями не занимался; единственный разъ случилось ему при Григорьевѣ и Волокитинѣ высказать свое мнѣніе, что Привалову, который только что у него былъ, подошелъ бы домъ Ключина, продававшійся кредитнымъ обществомъ. При этомъ онъ сказалъ, что за продажу можетъ быть заплачена комиссія, но самъ для себя ни о какомъ вознагражденіи не помышлялъ, напротивъ, прямо сказалъ Григорьеву, что онъ, Грачевъ, какъ служащій въ обществѣ, такими дѣлами заниматься не можетъ. Все было предоставлено Григорьеву и Волокитину,—они все и дѣлали, Грачевъ—ровно ничего. Прокуроръ говоритъ, что вознагражденіе своимъ размѣромъ совсѣмъ не соответствовало тому, что было сдѣлано Григорьевымъ и Волокитиннымъ, а по показанію Привалова, домъ Ключина имъ былъ купленъ безъ участія комиссіонеровъ. Шильдбахъ уже говорилъ, что комиссіонное вознагражденіе было поставлено на чисто коммерческихъ началахъ, а въ коммерческомъ дѣлѣ комиссіонерскія услуги иногда очень высоко цѣнятся, иногда за простое указаніе, за одно слово платятъ солидныя суммы. Что же касается до дома Ключина, то за его продажу можно было выдать хорошее вознагражденіе. Изъ осмотра видно, что онъ былъ очень загрязненъ, нѣкоторыя зданія находились въ полуразрушенномъ состояніи, и оцѣнщики затруднялись даже опредѣлить его постоянную доходность. Его трудно было сдать, и комиссіонеръ, нашедшій на него покупателя, стоилъ вознагражденія. Если Приваловъ утверждаетъ, что никакихъ комиссіонеровъ не было, то въ дѣло это очень понятно: Приваловъ, конечно, не желаетъ лишиться расходовъ, а признать, что Григорьевъ или Волокитинъ были комиссіонерами при покупкѣ имъ дома Ключина, это значить дать имъ или кому-нибудь

изъ нихъ поводъ требовать съ него вознагражденія,—извѣстно, что комиссіонеры очень часто берутъ вознаграженіе съ обѣихъ сторонъ, да Григорьевъ на предварительномъ слѣдствіи даже и признался, что не расписался самъ въ полученіи отъ правленія вознагражденія, а подставилъ Волокитина только за тѣмъ, чтобы скрыть, что онъ былъ комиссіонеромъ правленія, и получить вознаграженіе и съ Привалова. Было у Привалова и другое основаніе отрицать участіе комиссіонера при покупкѣ имъ дома Ключина: онъ не протакъ и предвидѣлъ, что покупая дешево домъ при участіи комиссіонера, который и въ торгахъ принималъ участіе, онъ наживетъ искъ со стороны владѣльца дома, какъ оно въ дѣйствительности и случилось. Что комиссіонеръ былъ, и именно Григорьевъ, это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями. Удостоверено, что Приваловъ вѣдилъ съ Григорьевымъ осматривать домъ, затѣмъ въ правленіи кредитнаго общества, гдѣ его познакомилъ съ Шильдбахомъ Григорьевъ же; его, Привалова, видѣли бесѣдующимъ съ Григорьевымъ въ кредитномъ обществѣ, послѣ чего онъ по телефону потребовалъ, чтобы ему немедленно привезли изъ дому чековую книжку, и когда ее привезли, написалъ чекъ на 10 тыс. руб. и отдалъ его въ задатокъ за домъ. Итакъ, комиссіонеръ былъ, и именно—Григорьевъ. Главнымъ свидѣтелемъ обвиненія является кн. Долгоруковъ, но его нѣтъ на судѣ, и защита объ этомъ крайне сожалѣетъ. Никакое, самое подробное письменное показаніе не можетъ замѣнить показанія, даннаго на перекрестномъ допросѣ. И удивительно, что не удалось розыскать кн. Долгорукова, человека съ такимъ общественнымъ положеніемъ, московскаго домовладѣльца и постоянного жителя Москвы! Удивительно, наконецъ, что кн. Долгоруковъ, такъ горячо принимавшій къ сердцу интересы кредитнаго общества, такъ обличавшій злоупотребленія, самъ не позаботился о томъ, чтобы имѣть возможность предъ судомъ подтвердить свои обвиненія. Невяка его ставить защиту въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что и еще двое свидѣтелей, которые были очень нужны защитѣ,—Спиридоновъ и Дьячковъ, тоже не явились. Это судъ, конечно, приметъ въ соображеніе при разрѣшеніи дѣла. Показаніе кн. Долгорукова невольно вызываетъ очень осторожное къ себѣ отношеніе, такъ какъ слишкомъ много сквозитъ въ немъ недоброжелательства къ обвиняемымъ, съ которыми у него было столько столкновений. Оно во многомъ и неправдоподобно. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы такой споръ, какой, по словамъ кн. Долгорукова, велъ Грачевъ съ Спиридоновымъ и Бровкинымъ, происходилъ въ присутственной комнатѣ, при свидѣтеляхъ, когда самъ же прокуроръ говорилъ, что Грачевъ такъ старался сохранить въ тайнѣ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, что рѣшился даже на подлогъ. Если все, о чемъ кн. Долгоруковъ говоритъ и что его такъ возмутило, дѣйствительно происходило, то почему же князь не потребовалъ составленія протокола, не подалъ, наконецъ, письменнаго заявленія? Въ подтвержденіе показанія кн. Долгорукова ссылаются на показанія покойнаго Цвѣтухина, Алексѣева, Дьячкова и Аничкина. Но, Цвѣтухинъ, какъ видно изъ его показанія слѣдователю, говорить со словъ того же Долгорукова, а самъ ничего не видалъ, Алексѣевъ тоже знаетъ отъ другихъ, Аничкинъ не явился, но ссылался на Дьячкова, который тоже не явился. Невяка этихъ свидѣтелей прямо обезоруживаетъ защиту. Что касается умершаго Бровкина, то на слѣдствіи онъ положительно заявлялъ, что ничего подобнаго тому, о чемъ говорить кн. Долгоруковъ, не было, и что самъ онъ всегда былъ противъ комиссіоннаго вознаграженія: Защитникъ отмѣчаетъ одну ошибку обвинителя: директоры правленія обвиняются въ растратѣ общественныхъ денегъ, выданныхъ подъ видомъ комиссіоннаго вознаграженія до 1895 г., а Гра-

чевъ привлеченъ за полученіе денегъ, выданныхъ уже въ 1896 г. Итакъ, участіе Грачева въ полученіи комиссіонныхъ денегъ рѣшительно ничѣмъ не доказано, нѣтъ слѣдовательно, съ его стороны, преступленія, а если нѣтъ преступленія то не можетъ быть и подлога, совершеннаго съ цѣлью сокрытія преступленія. Да и въ чемъ же заключался этотъ подлогъ? Грачеву приписывается то, что онъ будто бы подготовилъ другое лицо подать заявленіе и т. д., а между тѣмъ установлено, да и никѣмъ не оспаривается, что просилъ Волокитина подать заявленіе Григорьевъ, а не Грачевъ, что подтвердилъ и Волокитинъ. Въ заключеніе защитникъ указалъ на то, что по вопросу о преданіи Грачева суду произошло разногласіе въ средѣ прокуратуры: прокуратура окружнаго суда дала заключеніе о прекращеніи о немъ дѣла, не находя состава преступленія, прокуратура судебной палаты нашла возможнымъ предать его суду. Защита надѣется на оправдательный приговоръ.

Защитникъ Михайлова, *пом. прис. пов. Лебедевъ*, доказывалъ, что нѣтъ рѣшительно никакихъ фактовъ, подтверждающихъ обвиненіе Михайлова. Показанія кн. Долгорукова и Аничкина, на которыхъ ссылается обвиненіе, не могутъ заслуживать особеннаго довѣрія. Свидѣтели эти не явились, мы знаемъ только показанія, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи, слѣдовательно, безъ присяги, а какъ много значитъ присяга, въ этомъ не разъ уже можно было убѣдиться при разсмотрѣннн этого дѣла: многіе свидѣтели здѣсь, послѣ присяги, измѣняли свои показанія, а были и такіе, которые прямо объявили свои показанія на предварительномъ слѣдствіи ложными. Между тѣмъ, свидѣтель Гальбекъ положительно удостовѣряетъ, что онъ былъ комиссіонеромъ при покупкѣ Кожинымъ дома Каринской, что онъ и деньги получалъ. Казвачей Водо тоже говоритъ, что деньги изъ кассы получилъ Гальбекъ. Показанія Кожиной и Парадѣва нисколько не опровергаютъ ни показанія Гальбека, ни объясненія Михайлова. Изъ показаній Кожиной видно только, то, что ни о какомъ комиссіонерѣ Гальбекъ она отъ мужа не слыхала, во вѣдь она говоритъ и то, что мужъ ея о покупкѣ дома ничего не говорилъ и узнала она о ней только тогда, когда все уже было закончено. Парадѣвъ заявлялъ, что Кожинъ говорилъ ему, что купилъ домъ чрезъ комиссіонера и хотѣлъ его познакомить съ этимъ комиссіонеромъ. Если же припомнить, что Кожинъ познакомился съ Михайловымъ черезъ Парадѣва, то станетъ очевиднымъ, что не Михайловъ былъ тѣмъ комиссіонеромъ, съ которымъ Кожинъ хотѣлъ познакомиться Парадѣва.

Рѣчи защитниковъ вызвали возраженія со стороны обвинителей и нѣкоторыхъ гражданскихъ истцовъ, послѣ которыхъ засѣданіе было закрыто. Пренія возобновились на слѣдующій день.

2 октября, около часа пополудни, окончились пренія. Судебная палата предложила поставить къ своему разрѣшенію 28 вопросовъ. Товарищъ прокурора С. Л. Лузинъ просилъ дополнить вопросы о покойномъ Цвѣтухинѣ указаніемъ времени, въ теченіе котораго онъ состоялъ въ должности предсѣдателя правленія московскаго городского кредитнаго общества. Повѣренный гражданскаго истца А. С. Вишнякова, *прис. пов. кн. А. И. Урусовъ* просилъ изъ вопросовъ о виновности подсудимыхъ выдѣлить вопросъ о фактѣ причиненія гражданскимъ истцамъ убытковъ нарушеніями требованій устава и выдачею комиссіоннаго вознаграженія, и предложилъ палатѣ свой проектъ редакціи этихъ вопросовъ. Защитникъ Шильдбахъ, *прис. пов. Рейнбольтъ*, возражалъ, что ходатайство кн. Урусова могло бы подлежать удовлетворенію только тогда, если бы въ предлагаемыхъ имъ вопросахъ указывались факты, имѣющіе признаки преступленія, а безъ указанія на такіе факты вопросы эти не могутъ быть поста-

влены. Затѣмъ, предложены были нѣкоторыя измѣненія и дополненія вопросу со стороны защиты. Обсудивъ замѣчанія сторонъ, палата оставила вопросы безъ измѣненія.

4 октября, въ 5 ч. 15 мин. пополудни, объявлена была резолюція. Судебная палата, признавъ покойнаго д. ст. сов. Ивана Николаевича Цвѣтухина, отст. штабсъ-капитана Сергѣя Константиновича Шильдбаха и отст. кол. ассес. Адольфа Александровича Герике виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1154 и 1155 ст. улож. о наказ., опредѣлила: Шильдбаха и Герике, по лишеніи всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Олонецкую губ. съ воспрещеніемъ имъ въ теченіе двухъ лѣтъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства; по истеченіи же 10 лѣтъ предоставить имъ право свободнаго пребыванія во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи, за исключеніемъ столицъ и сто-

личныхъ губерній. Купецъ Иванъ Яковлевичъ Грачевъ и мѣщанинъ Михаилъ Михайловъ оправданы. Гражданскіе искі признаны неподлежащими удовлетворенію. Судебныя по дѣлу издержки опредѣлено взыскать съ Шильдбаха и Герике и съ имущества покойнаго Цвѣтухина. Настоящій приговоръ, по вступленіи его въ законную силу, опредѣлено представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества и ходатайствовать о помилованіи Герике.

Осужденные по дѣлу кредитнаго общества подаютъ кассационныя жалобы. Среди заемщиковъ кредитнаго общества собираются подписи къ ходатайству о помилованіи осужденныхъ; кромѣ того, они собираются просить правленіе и наблюдательный комитетъ о созваніи общаго собранія уполномоченныхъ, которое рѣшило бы просить министра финансовъ взять на себя инициативу ходатайства за осужденныхъ. („Рус. Вѣд.“).

II. Засѣданіе Симферопольскаго окружнаго суда по дѣлу объ убійствѣ изъ мести.

(Отъ нашего корреспондента).

22 сентября слушалось извѣстное дѣло по обвиненію турецко-подданнаго Киркора Манукъ Абаджи Гульгульяна въ убійствѣ изъ мести. Предсѣдательствуетъ членъ суда А. А. Смирновъ, обвиняетъ товарищъ прокурора Н. М. Бѣляевскій; защищаетъ пр. пов. Н. П. Карабчевскій. Въ залѣ засѣданія масса публики.

Засѣданіе начинается въ 10½ часовъ утра. Скамью подсудимыхъ занимаетъ обвиняемый Киркоръ Гульгульянъ. На видъ ему около 27 лѣтъ—брюнетъ съ характерными особенностями восточнаго лица.

Предсѣдатель при помощи переводчика предлагаетъ подсудимому рядъ вопросовъ.

Подсудимый отвѣчаетъ, что происходитъ изъ турецкой Арменіи, холостъ, 8 мѣсяцевъ проживаетъ въ Россіи.

Читается обвинительный актъ. Въ концѣ марта 1898 г. турецко-подданнй, житель города Байбурта, Эрзерумскаго округа, Оттоманской Имперіи, по національности турокъ, Хасанъ, сынъ Батаса-Мимій-оглу по своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Симферополь и остановился на Севастопольской улицѣ, въ кофейнѣ армянина Карабета Манушарьянца. 27 апрѣля, вечеромъ, Хасанъ находился въ ближайшей отъ своей квартиры харчевнѣ, принадлежащей Амету-Али оглу, и оттуда послѣ ужина, часовъ въ 11, вмѣстѣ со знакомыми пошелъ пить кофе въ кофейню своего хозяина, но по дорогѣ изъ-за забора, отгораживающаго производящуюся при домѣ Топалова съ улицы постройку, неожиданно выскочилъ какой-то человекъ, бросился на Хасана, ни слова не сказавъ, нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ и обратился въ бѣгство, но немедленно былъ постигнутъ и задержанъ, съ окровавленнымъ кинжаломъ въ рукахъ, городовымъ Кремневымъ при помощи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ съ Хасаномъ; послѣдній, обливаясь кровью, ушалъ и тутъ же на улицѣ скончался. При судебно-медицинскомъ вскрытіи у него оказалась глубокая рана, проникающая лѣвое легкое, сердце и дыхательное горло. Задержанный Киркоръ сознался въ убійствѣ Хасана и объяснилъ, что въ Симферополѣ живетъ около 3 мѣсяцевъ, занимается сапожнымъ мастерствомъ, а въ Россію, вообще, онъ бѣжалъ изъ Турціи еще въ 1895 г. послѣ армянскихъ безпорядковъ, во время которыхъ онъ потерялъ отца и двухъ братьевъ, убитыхъ въ городѣ Байбуртѣ на его глазахъ Хасаномъ. Съ появленіемъ Хасана въ Симферополь—Киркоромъ овладѣло таинственное въ немъ чувство мести за смерть родныхъ и привело его къ рѣшимости убить Хасана, для чего онъ пріобрѣлъ кинжалъ и сталъ слѣдить за нимъ, выжидая удобнаго момента, чтобы исполнить свое намѣреніе; 28 апрѣ-

ля онъ, вооруженный кинжаломъ, укрылся за заборомъ около квартиры Хасана, выжидая его возвращенія изъ ближайшей харчевни, и засимъ, едва Хасанъ приблизился къ нему, какъ онъ изъ-за забора бросился къ нему и нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ лѣвый бокъ. По словамъ Киркора, покончить съ Хасаномъ на родинѣ, среди турецкаго населенія, у него не хватало мужества.

Подсудимый признаетъ себя виновнымъ.

По ходатайству защитника, въ виду незнанія подсудимымъ русскаго языка, читается его показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи.

— Я жилъ въ своемъ родномъ городѣ Байбуртѣ,—говоритъ Киркоръ,—среди своей семьи, состоявшей изъ отца, матери, двухъ братьевъ и трехъ сестеръ. Жили мы все вмѣстѣ, мирно и въ довольствѣ, работали: отецъ былъ столяръ, я и братъ Саркизъ—сапожники, а братъ Хачадуръ—золотыхъ дѣлъ мастеръ. Но начались преслѣдованія армянъ и 3½ года тому назадъ пришла вѣсть, что въ Трапезундѣ и въ другихъ городахъ турки бьютъ насъ, армянъ, а затѣмъ внезапно началось избиеніе армянъ и въ Байбуртѣ. Избиеніе длилось цѣлыя сутки, и сотни армянъ, беззащитныхъ и объятыхъ ужасомъ, пали подъ ножами своихъ убійцъ. Турки, ломая заборы, врываются въ дома, хватали и рвали всѣхъ мужчинъ, не щадя и мальчиковъ. Такъ и въ нашъ домъ ворвалась толпа турокъ съ Хасаномъ во главѣ, и онъ собственноручно, на моихъ глазахъ, зарѣзалъ старика отца моего и двухъ братьевъ. Я спрятался подъ диванъ, но видѣлъ все происходившее, и воспоминаніе объ этомъ приводитъ меня въ содроганіе. Избиеніе армянъ велось отдѣльными толпами, руководимыми каждая наиболѣе видными турками въ городѣ, какимъ былъ и Хасанъ. Армяне бѣжали изъ Байбурта, и я бѣжалъ въ Ватумъ, гдѣ прожилъ 2 года. Затѣмъ потянуло меня въ Байбуртъ посмотреть, что стало съ матерью и съ сестрами. Тамъ я засталъ наше хозяйство въ разореніи: мать съ сестрами едва перебивались. Армянъ почти не стало, работать было трудно, и мнѣ нужно было подумать устроиться сперва самому; если Богъ поможетъ, подумать о матери и сестрахъ. Насъ, армянъ, много бѣжало въ Крымъ. Рѣшилъ и я поѣхать въ Крымъ и попалъ въ Ялту, гдѣ живутъ мои троюродные братья. Документа на жительства у меня не было, и я досталъ таковой у возвращавшагося въ Турцію армянина. Въ Ялтѣ мнѣ не удалось устроиться, и я поѣхалъ въ Симферополь. Въ Симферополѣ я зашелъ въ кофейню Минасова и поселился у него и сталъ работать сапоги и колоды. Ища работы, я заходилъ въ кофейни и вдругъ увидѣлъ въ кофейнѣ Хасана, убившаго отца моего и братьевъ. Меня

взволновала эта встреча. Я вспомнил убитых и их последние минуты, но сдержался и сказал Хасану: „Здравствуй“. Хасан спросил меня, кто я и откуда. Я ответил: из Байбурга, — Гугульян. Он сказал, — я помню эту фамилию. Тогда мысленно отомстить ему за родных засела у меня в голову, и я на другой день купил кинжал. Далге, Киркорь рассказывает, как он выждал Хасана и убил его кинжалом.

Показание Киркора производить на публику чрезвычайно сильное впечатлительное.

Допрашивается свид. пристав Луценко.

Свидетель говорить, что в его участок был доставлен Киркорь после совершения убийства. Киркорь был чрезвычайно взволнован. Он впал в обморочное состояние и его пришлось обливать холодной водой. Когда он пришел в себя, он сказал, что совершил убийство из мести.

Киркорь называл имена свидетелей, которые могли подтвердить, что Хасан перерезал его семью, и рассказывал, как происходила резня.

З а щ. Зачѣмъ прїѣзжалъ въ Симферополь Хасанъ?

— За долгами. Онъ ссужалъ здѣсь деньгами турецкихъ армянъ и прїѣзжалъ получать деньги обратно.

Допрашивается свид. Артиновъ.

Прок. Вы Киркора знали?

— Нѣтъ.

З а щ. Зачѣмъ Хасанъ прїѣзжалъ въ Симферополь?

— Я слышалъ, что онъ собиралъ здѣсь свои долги, и если армяне не платили, Хасанъ говорилъ, что поѣдетъ въ Турцію и тамъ заставитъ имъ. Онъ ѣздилъ въ Харьковъ и Одессу.

На вопросъ защитника, обращенный къ свидетелю — турку Амету-Али оглу, не говорили вы при допросѣ въ участкѣ, что Хасанъ былъ въ Турціи влиятельный человекъ, имѣвшій подъ своей командой 300 вооруженныхъ турокъ, онъ отвѣчаетъ, что Хасанъ былъ знаменитой фамиліи. Бѣднымъ помогалъ, кормилъ ихъ.

Допрашивается свид. Манушарианецъ. Свидетель — армянинъ, бѣжавшій изъ Байбурга послѣ погрома,

З а щ. Сколько лѣтъ жили вы въ Байбуртѣ?

— 4 года.

З а щ. Вы знали въ Байбуртѣ Хасана?

— Зналъ.

З а щ. Чѣмъ занимался Хасанъ?

— Онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, онъ былъ очень богатый человекъ.

З а щ. Какъ вы спаслись отъ резни?

— Я бѣжалъ въ домъ одного бѣдняка. Затѣмъ насъ, оставшихся въ живыхъ армянъ, заключили въ тюрьму.

Предс. За что же?

— За то, что мы остались въ живыхъ.

З а щ. Событіе, о которомъ говорить свидетель, — историческое. Путемъ вопроса свидетеля его нельзя установить въ яркихъ чертахъ. Я прошу разъяснить мнѣ представить суду сочиненіе Джаншиева — „Братская помощь армянамъ“ и книгу „Положеніе армянъ въ Турціи“ и прошу обратить вниманіе на нѣкоторыя статьи, гдѣ подробно воспроизведены турецкія звѣрства.

Судъ отклоняетъ его ходатайство.

Затѣмъ допрашивается рядъ свидетелей, бѣжавшихъ изъ Байбурга послѣ избиенія армянъ. Въ семьѣ cadaго изъ нихъ турки перерезали по нѣсколько человекъ. Они рассказываютъ ужасныя сцены, которыя, впрочемъ, прекрасно знакомы читающей публикѣ.

Свидетель — содержатель кофейни въ Симферополѣ, говорить, что Хасанъ не платилъ ему, и онъ не рѣшался требовать у Хасана денегъ, такъ какъ боялся его.

Старшина при спрашиваетъ, известно ли свидетелю, что Хасанъ въ Байбуртѣ оказывалъ помощь бѣднымъ?

— Никакой помощи не оказывалъ. Когда онъ заходилъ въ домъ, всѣ дрожали.

З а щ. Сколько процентовъ взималъ Хасанъ — можетъ быть такимъ путемъ мы выяснимъ его благодѣянія.

— Давалъ 8 руб. въ мѣсяцъ и бралъ за это 3 рубля.

Свид. Ми на ш е в ъ, бѣжавшій также изъ Турціи, на вопросъ защитника, чѣмъ занимался Хасанъ на родинѣ, говорить что онъ занимался разбоями и грабежами.

Допрашивается свид. Ма ку л ь я н ъ.

Прокур. Кто былъ начальникомъ разбойническихъ шаекъ въ Байбуртѣ?

— Само правительство. — Свидетель также бѣжалъ изъ Байбурга.

Послѣ допроса свидетелей судомъ оглашены были найденныя у Хасана долговыя росписки и списокъ должниковъ Хасана, выхваченныхъ изъ Турціи и проживающихъ въ Россіи.

Послѣ перерыва приступлено было къ преніямъ.

Товар. прокурора. Въ 1895 г. въ Турціи произошла историческая драма — варварское избиеніе армянъ. Одинъ моментъ этой драмы, по волю рока, разыгрался и въ Симферополѣ. Въ Симферополѣ былъ убитъ турокъ Хасанъ армяниномъ Киркоромъ, за то, что тотъ зарезалъ въ Байбуртѣ его отца и двухъ братьевъ. Киркору, конечно, ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Россію, спасаясь отъ преслѣдованія турокъ. Заявить въ Симферополѣ властямъ, что въ Турціи Хасанъ вырезалъ его семью — было бы совершенно бесполезно, такъ какъ преступленіе совершено не въ Россіи. Послѣ встрѣчи съ Хасаномъ, въ Киркорѣ закипѣло чувство мести и онъ рѣшилъ убить его. Вотъ этотъ мотивъ — убійство изъ мести и подлежитъ установленію на судѣ. Свидѣтельскими показаніями установлено, что рассказы подсудимаго о томъ, какъ Хасанъ перерезалъ его семью — не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, и у Киркора не было никакого законнаго пути расчитаться съ палачемъ его семьи. Но до того, что происходитъ въ Турціи, — намъ нѣтъ дѣла. У насъ — въ странѣ законоуверенной, убійства допускаются только тогда, когда человеку угрожаетъ непосредственная опасность, и онъ долженъ обороняться. Киркоръ же не былъ въ такомъ положеніи и за свой поступокъ онъ долженъ отвѣтить, и я, какъ представитель государственнаго обвиненія, вполне поддерживаю обвиненіе.

Присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій:

Если бы мы захотѣли ограничить не только судебное слѣдствіе, но и самый кругозоръ нашъ въ настоящемъ дѣлѣ исключительно тѣмъ матеріаломъ, который заключается въ разсказѣ подсудимаго и двухъ, трехъ свидетелей Байбуртской резни, мы очутились бы въ странномъ положеніи. Намъ показалось бы, что насъ посѣтилъ только тяжелый кошмаръ, что мы пережили нехорошій сонъ, или что насъ, какъ дѣтей, пугали страшной сказкой. Гдѣ то, не такъ далеко отъ насъ, на территоріи Блистательной Порты, всего три съ половиною года назадъ, среди современныхъ намъ мирныхъ жителей городскихъ кварталовъ, населенныхъ армянами, незаконно и безнаказанно носится шайка вооруженныхъ людей — турокъ. Они грабятъ и превращаютъ живыхъ людей въ трупы. Никто не въ состояніи дать себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что происходитъ. Въ городѣ есть войска, есть стражи полицейскія, но онѣ сначала бездѣйствуютъ, а затѣмъ смѣшиваются съ разбойничьими шайками и „усмиряютъ“ сабельными ударами тѣхъ изъ армянъ, которые пытаются спастись. Цѣлый день идетъ резня. Отдѣльныя шайки вооруженныхъ турокъ, подъ предводительствомъ наиболее видныхъ, по своему служебному или общественному положенію, лицъ города Байбурга и его уѣзда, перерываютъ до основанія каждый армянскій домъ, извлекаютъ изъ него всѣ

дѣйности, набиваютъ ими себѣ карманы, предоставляютъ черни разграбить остальное. Скрывшихся въ домахъ армянъ безжалостно извлекаютъ изъ ихъ похоронокъ, выволакиваютъ за ноги на улицы и тутъ же убиваютъ на глазахъ обезумѣвшихъ отъ ужаса женщинъ и дѣтей. Во главѣ одной изъ такихъ неистовствующихъ бандъ носится по городу Хасанъ Мимий оглу, убитый въ Симферополь 29 апрѣля 1899 года ударомъ кинжала армянина Киркора Гульгульяна. Этотъ Хасанъ, по словамъ бѣжавшихъ во время рѣзни армянъ, „порѣзалъ“ много армянъ, въ томъ числѣ нѣскольکو семействъ очень богатыхъ людей, деньгами которыхъ завладѣлъ. Въ числѣ другихъ мирныхъ армянъ, онъ собственноручно зарѣзалъ Манука Гульгульяна—старика, отпа подсудимаго, и двухъ его братьевъ, Саркиза и Хачадура. Самъ Киркоръ Гульгульянь спасается какимъ то чудомъ, онъ забивается подъ рундукъ, прикрытый рядомъ. До этой рѣзни Гульгульяны жили всѣ вмѣстѣ въ собственномъ домѣ, занимались ремеслами и пользовались хорошимъ достаткомъ. Послѣ рѣзни остались: мать Киркора Гульгульяна, Сюртупъ, съ четырьмя дочерьми 20, 18, 14 и 8 лѣтъ, онъ стали нищими. Рѣзня длилась цѣлый день, до самыхъ сумерокъ, причѣмъ убивали и женщинъ, если тѣ пытались защищать мужей—армянъ или сами искали у нихъ спасенія. Уцѣлѣвшихъ отъ общей рѣзни байбуртскихъ армянъ власти „за беспорядки“ тотчасъ забрали въ тюрьму, гдѣ они просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ. Когда наступилъ вечеръ и насытившіеся кровью и грабежомъ турки отхлынули отъ армянскихъ кварталовъ, чтобы разсѣяться по домамъ и кофейнямъ и предаться своему обычному кейфу, пустынная улочка и закоулки Байбурта огласились, заглушаемыми до тѣхъ поръ лишь страхомъ, воплями и рыданиями. То армянскія женщины, накинувъ на головы черныя хлямы въ знакъ траура и печали, беззвучно выползали изъ своихъ разоренныхъ лачугъ на поиски дорогихъ покойниковъ. Трупы ихъ валялись тутъ же на улицахъ; уличный песъ лизалъ съ каменной человѣческую кровь, а женщина при мигающемъ свѣтѣ зажженной спички узнавала каждая „своихъ покойниковъ“. Тутъ то, по словамъ бѣжавшей впоследствии изъ Байбурта въ Россію старухи Назеле Миасовой, женщины обмѣнивались своими печальными вѣстями. Своей сосѣдкѣ, Сюртупъ Гульгульянь, Миасова рассказывала, что ея, Миасовой, родственниковъ мужичья убила банда Изаила Ага, и, въ свою очередь, отъ нея услышала, что мужа ея, Гульгульянь, Манука и сыновей Саркиза и Хачадура зарѣзала банда Хасана Мимий оглы. Показаніе старухи Гульгульянь, такимъ образомъ, вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ день рѣзни самъ укрывшійся отъ турокъ Киркоръ Гульгульянь.

Судъ отказалъ мнѣ въ правѣ ссылаться на спеціальныя историческія сочиненія по вопросу объ армянской рѣзнѣ въ Турціи въ 1894—96 годахъ. Я вынужденъ подчиниться такому распоряженію суда, хотя, да простится мнѣ, никакъ не могу взять въ толкъ, какимъ образомъ именно этимъ путемъ можетъ быть достигнуто „неизращеніе судебной перспективы“. Когда у насъ вводилось гласное и публичное судопроизводство, мы, конечно, ликовали не въ видахъ усиленія уголовной репрессіи, а отъ ожиданія того, что только при такихъ условіяхъ судъ сумѣетъ и сможетъ ярко освѣтить истиннымъ, правосуднымъ свѣтомъ не только одну верхушку печальнаго явленія, но и самую почву, на которой оно выросло. Всякое иное освѣщеніе общественнаго явленія (какимъ всегда является преступленіе), наоборотъ, представляется освѣщеніемъ искусственнымъ, и тогда уже дѣйствительно можетъ идти рѣчь о всевозможныхъ перспективахъ... Возьмемъ настоящее дѣло. При искусственномъ или маломъ освѣщеніи его оно кажется только „приспешивемъ“

фантастическимъ и романичнымъ, даже мало вѣроятнымъ. Кровавое нападеніе Киркора Гульгульяна, неожиданное, быстрое, дерзкое, совершенное на улицѣ, словно сіянемъ молніи среди абсолютной тьмы, на первый взглядъ ярко освѣщаетъ только маленькую, невзрачную, одинокую фигурку какого то невѣдомаго намъ человѣка. Но развѣ при томъ же мимолетномъ освѣщеніи мы не разглядѣли ничего больше? Развѣ мы не увидѣли, что эта человѣческая фигурка стоитъ надъ пропастью, вырытою вѣками, пропастью, почти бездонною... Ужели это не должно привлечь нашего вниманія? Ужели мы можемъ пройти мимо явленія историческаго характера, не пояснивъ себѣ даже его значенія, не попытавшись добросовѣстно анализировать его, какъ одинокое звено, выпавшее случайно изъ общей цѣпи, длинной и тяжелой цѣпи человѣческихъ страданій, именуемой дипломатично и кратко исторіею „положеніемъ армянъ въ Турціи“. Мы вмѣстѣ съ христіаниномъ армяниномъ, но турецкимъ поданнымъ Киркоромъ Гульгульяномъ, обвиняемымъ въ преднамѣренномъ изъ мести убійствомъ мусульманина, природнаго турка изъ Малой Азій Хасана Мимий-оглы, стоимъ на самомъ краю исторической пропасти и не можемъ не заглянуть въ нее...

Предсѣдательствующій. Прошу васъ не касаться событій, не бывшихъ предметомъ судебного слѣдствія.

Прис. пов. Карабчевскій. Я буду касаться лишь историческихъ событій, обязательно извѣстныхъ гимназисту 7-го класса... Получивъ университетское образованіе, я вправѣ считать эти историческіе факты общеизвѣстными и не нуждающимися въ судебной повѣркѣ.

Предсѣдат. Въ числѣ присяжныхъ есть лица, не получившія высшаго образованія.

Прис. пов. Карабчевскій. Тѣмъ болѣе... я долженъ...

Предсѣдат. Прошу подчиниться моимъ распоряженіямъ.

Прис. пов. Карабчевскій (продолжая). Гг. присяжные засѣдатели, вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что въ составъ Оттоманской Имперіи, со времени вторженія турокъ въ Европу, вошли многія народности, исповѣдующія христіанскую религію, ставшія по отношенію къ завоевателямъ—побѣдителямъ побѣжденными. Таковы: греки, сербы, болгаре, босняки и армяне.

Историческія карты Европы испещрены, какъ іероглифами, передвигавшимися чертами завоеваній. Нѣтъ почти ни одного европейскаго государства, которое не сложилось бы путемъ завоеваній. Но благодаря исторической культурѣ происходила нормальная ассимиляція завоеванныхъ провинцій. И побѣжденные и побѣдители (съ осадкомъ или безъ осадка политической горечи на сердцѣ) становились въ концѣ концовъ гражданами одного государства, приобщались къ общимъ повинностямъ, къ общей государственной службѣ и въ частной жизни, безъ различія племеннаго и религіознаго, искали и находили „благоденствіе подъ сѣнью общихъ законовъ“. Таковы нормальные ходъ исторіи. Но Турція—иное дѣло. Характеръ азіатской культуры, фанатизмъ ислама, деспотическій образъ правленія, во главѣ котораго стоитъ султанъ-калифъ, т. е. глава мусульманской церкви, причѣмъ на знамени пророка ревнивые хранители завѣтовъ Магомета до сихъ поръ не прочь читать „смерть гюрамъ“, создали то, нѣчто особенное, маловѣроятное съ точки зрѣнія европейской культуры, съ тѣмъ цѣлымъ Европа, ради политическихъ соображеній, терпѣливо считается, однако, уже многіе вѣка. Турецкіе подданные, христіане въ общій строй государственной жизни, управленія и суда не входили и, по искреннему убѣжденію истиннаго мусульманина, никогда войти и не могутъ. Это—рая, стадо, какъ всякое стадо,—безправное; съ каждой головы берется на-

логъ—хараджъ, пока головѣ позволено быть на плечахъ... Судь, по шаріату, не признаетъ свидѣтелей христіанъ. Процессъ, выигранный христіаниномъ, никогда не считается рѣшеннымъ окончательно. Всегда сыщется инстанція, которая можетъ его отменить. Разъ взысканная подать не считается взысканной, всегда найдется какой нибудь охотникъ, который взыщетъ ее и во второй, и въ третій разъ. Ни духовная, ни имущественная личность христіанина не ограждена закономъ. Однимъ словомъ, это вѣчно длающееся отношеніе побѣжденныхъ и побѣдителей, а вы знаете, что побѣжденнымъ „горе“!...

Изъ числа подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ долѣе и безнадежнѣе всѣхъ ей подвластныхъ армянскій народъ. У подножія своего ветхозавѣтнаго Арарата, въ нѣкогда цвѣтущей Арменіи, онъ стоически претерпѣвалъ и доселѣ претерпѣваетъ всѣ униженія рабства. Привязанный къ своей родинѣ упрямымъ инстинктомъ земледѣльца, крѣпкій чистотою семейныхъ узъ и духовныхъ началъ, привитыхъ ему христіанствомъ, каковое, какъ народъ, онъ первый же и воспринялъ, армянскій народъ, подвластный туркамъ, въ мирныхъ добродѣтеляхъ черпалъ неисчерпимый запасъ терпѣнія.

Лордъ Байронъ (вдохновенный борецъ за греческую независимость) такъ отзывался о немъ: трудно, быть можетъ, было бы найти другую націю, въ лѣтописяхъ которой было бы такъ мало преступленій, какъ въ лѣтописяхъ этого народа, котораго добродѣтели суть всѣ добродѣтели мирнаго времени, а пороки лишь послѣдствія того гнета, который онъ выноситъ. О той же армянской націи историкъ Гиббонъ писалъ сто лѣтъ тому назадъ: этой націи не давали даже пользоваться спокойствіемъ рабскаго состоянія. Съ первыхъ же шаговъ своей исторіи до настоящаго момента, Арменія была театромъ вѣчныхъ войнъ. Жестокая политика обезлюдила земли, находящіяся между Тавромъ и Эриванью. Ко всѣмъ несчастіямъ, общимъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, подвластнымъ Турціи, по отношенію къ армянамъ надо присоединить еще: тиранию курдскихъ беевъ, грабительства черкесовъ и кочевыхъ курдовъ, т. е. другими словами надо присоединить довольно обычныя явленія рафинированнаго звѣрства на почвѣ мрачнаго фанатизма въ видѣ насильственнаго обращенія сельскаго населенія въ исламъ, похищенія дѣвушекъ и мальчиковъ для продажи ихъ въ гаремы и насилваніе молодыхъ женщинъ на глазахъ ихъ мужей и отцовъ.

Предсѣдат. Г. защитникъ, прошу васъ не касаться... Это не было предметомъ слѣдствія и не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Прис. повѣр. Карабчевскій. Достаточно взглянуть на карту Малой Азіи, чтобы убѣдиться, что названныя мною племена, промышленно развиты, въ соосѣдствѣ съ Арменіей... Нравы ихъ также описываются въ учебникахъ географіи.

Предсѣдат. Прошу васъ, продолжайте въ предѣлахъ, указанныхъ мною.

Прис. повѣр. Карабчевскій (продолжая). Итакъ, я старался доказать, что армяне не склонны къ насилію вообще, я перечислялъ ихъ мирныхъ добродѣтели. Эти добродѣтели оказали политическими пороками. На ряду съ армянами владели нѣкогда столь же жалкое рабское существованіе греки, сербы, румыны, болгары, словомъ всѣ христіанскія народности, подвластныя Турціи. И что же мы видимъ? Теперь всѣ (т. е. почти всѣ) мало по малу освободились, встали на ноги. Всеобщее греческое возстаніе 1820—27 годовъ было первымъ освободительнымъ пламенемъ, подогрѣвшимся Европу. Дикія репрессіи турокъ, выразившіяся въ такихъ фактахъ, какъ поголовное избиеніе всего населенія острова Хиоса или повѣшеніе въ день Св. Пасхи въ Константинополѣ, въ облаченіи, противъ церкви, патріарха съ тремя архіепископами, вызвали вопль всеобщаго негодованія. Извѣстно, что рыцарски-во-

инственному вмѣшательству Императора Николая I-го, закончившемуся нашими побѣдами въ Турціи и Адрианопольскимъ миромъ (1829 г.) обязано новое Греческое королевство своимъ бытіемъ. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія политиканской хитрости мясника Милоша обязана Сербія своимъ возникновеніемъ съ наслѣдственной княжеской династіей. Но все это были пока только единичныя попытки силою или хитростью сбросить съ себя ненавистное иго рабства. Армяне оставались стоически терпѣливыми. Самое большее, въ чемъ проявлялся ихъ протестъ, это въ періодическихъ переселеніяхъ въ предѣлы Россіи. Петръ Великій, покрывъ перебежца Каспійскаго моря, спѣшитъ заселить этотъ край христіанскимъ элементомъ—армянами колонистами и воспользоваться ими, какъ надежною точкою опоры въ борьбѣ съ мусульманствомъ. Особенное значеніе для порабожденной „райи“ и вообще для судебъ турецкихъ армянъ имѣли побѣдоносныя войны Екатерины II-й. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г. впервые ставилъ официально христіанъ Востока подъ покровительство Россіи. Постройкой на Днѣстрѣ города Григоріополя исключительно для эмигрировавшихъ турецкихъ армянъ Императрица надѣялась достигъ того, что „находящіеся за границей армяне, видя благоденствіе переселенцевъ, къ нимъ присоединятся“. И дѣйствительно, армяне массами стали переселяться въ Крымъ, „превращая пустыни въ грады“.

Павелъ I, „во вниманіе къ отличному трудолюбію, тщательному домостроительству и примѣрному поведенію“ переселившихся въ Россію турецкихъ армянъ и для привлеченія новыхъ переселенцевъ, жалуетъ имъ грамотою 28 октября 1799 г. новыя милости и премушества.

По окончаніи войны 1812 г. (отечественной), Александръ I грамотою на имя всего армянскаго народа, данною въ Теплицѣ 16 сентября 1813 г., выражаетъ благодарность за то, что, посреди смутныхъ обстоятельствъ, они „пробыли тверды и непоколебимы въ своемъ усердіи къ намъ и престолу нашему, жертвуя имуществомъ своимъ и всѣми средствами и самою жизнью на пользу службы нашей и для общаго блага“. Императоръ считаетъ себя обязаннымъ засвидѣтельствовать имъ передъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую признательность и благоволеніе.

Съ особенной силой сказалась привязанность армянъ къ Россіи во время войны ея съ Персіей въ 1826 г. Они массами стали переселяться въ Россію. Персидское правительство пугало ихъ крѣпостнымъ правомъ въ Россіи и рекрутчиной, но армяне отвѣчали: „лучше будемъ всѣ съсно въ христіанской землѣ, нежели хлѣбъ въ Персіи“.

Въ Турецкую войну 1828 г. Порта переселила всѣхъ армянъ изъ пограничныхъ мѣстностей въ отдаленныя области, но не могла преградить путь для выраженія симпатій Россіи.

По заключеніи Адрианопольскаго мира, армяне турецкіе массами стали выселяться въ Россію (около 90,000 душъ). Порта встревожилась, такъ какъ уходилъ самый трудолюбивый, ремесленный народъ. Изъ Константинополя послали въ Эрзерумъ епископа Варооломея, чтобы удержать армянъ отъ переселенія; но ему отвѣчали: „если бы самъ Христосъ сошелъ съ неба, чтобы уговорить насъ остаться въ Турціи, и его бы не послушались“. Предпоследняя война наша съ Турціей, которую Императоръ Николай I надѣялся „похоронить мертвымъ“, т. е. покончить съ Турціей, какъ съ европейскою державою, разъ и навсегда, исполнѣла турецкихъ армянъ самыхъ радостныхъ надеждъ. Армяне высказали преданность и содѣйствіе Россіи. Увы, этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Война съ „союзниками“, закончившаяся одиннадцатимѣсячною геройскою обороною и паденіемъ Севастополя, какъ извѣстно, спасла „больного человѣка“, т. е. Турцію, и

дала отсрочку... подвластным Турціи христіанамъ для новыхъ страданій. По окончаніи нашей крымской кампаніи, турецкіе армяне подверглись страшнымъ репрессіямъ за свои симпатіи къ Россіи.

Такъ дѣло оставалось до нашей послѣдней Турецкой войны съ ея кровавыми Дунаемъ, Плевною и Шипкою и побѣдоноснымъ Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, ограниченнымъ въ послѣдствіи Берлинскимъ трактатомъ. Извѣстно, что этой послѣдней нашей войнѣ 1878 г.—послѣднимъ усиліямъ окончательна освободить христіанъ на Востокѣ предшествовала Сербская война и болгарская рѣзня. Но, по крайней мѣрѣ, для этихъ и другихъ христіанскихъ народностей пролитая русскими кровь оказалась проликою не даромъ. Санъ-Стефанскимъ трактатомъ установлена автономія Румыніи, Сербіи и Черногоріи, возникло и новое христіанское государство, независимое отъ прежняго своего властелина.—Болгарія. Армяне, какъ настоящіе пасынки, и на этотъ разъ оказались въ хвостѣ историческихъ удачъ и благополучій. Но, все же, Санъ-Стефанскій договоръ имѣлъ для армянскаго народа огромное нравственное и политическое значеніе. На страницахъ международныхъ трактатовъ о его судьбѣ заговорили впервые. Часть турецкихъ армянъ въ Малой Азіи перешла въ Россію, а относительно другой части, оставшейся за Турціей, впервые, по инициативѣ Россіи, было выговорено право на спеціальныя реформы, ограждающія личную и имущественную безопасность армянъ.

По ст. 16 Санъ-Стефанскаго договора Турція торжественно обязывалась передъ Россіей: произвести безъ дальнѣйшаго отлагательства улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями областей, населенныхъ армянами и обезопасить ихъ отъ курдовъ и черкесовъ. Берлинскій конгрессъ, вырвавъ у Россіи исключительное право на такое обязательство, добытое русскою кровью, и воспроизвелъ параграфъ 16 Санъ-Стефанскаго договора въ параграфѣ 16 Берлинскаго трактата, предоставивъ не исключительно Россіи, а шести великимъ европейскимъ державамъ сообщать слѣдить за выполненіемъ обязательствъ Порты и требовать ихъ выполненія. Чтобы ослабить вліяніе Россіи на Востокъ, Европа всю себя поставила на ея мѣсто и, такимъ образомъ, какъ бы поручилась торжественно за безопасность армянъ. Независимо отъ этого, 4 іюня 1878 г. Англія отдѣльно заключила трактатъ съ Турціей, которымъ брала Малую Азію, а стало быть и судьбу Арменіи, подъ свой великодушный протекторатъ.

Итакъ, на основаніи всего, сказаннаго мною, слѣдуетъ считать безспорно официально и документально установленнымъ, что до Санъ-Стефанскаго трактата личная судьба каждаго армянина, жителя Малой Азіи, не была законно ограждена турецкими законами, не была обезопасена и отъ разбойныхъ нападений сосѣднихъ курдовъ и черкесовъ. Въ Константинополь послѣ дѣйствовала такъ называемая „армянская конституція“, но это была эфемерная конституція, полная платоническихъ благопожеланій, безплодныхъ ходатайствъ, надеждъ—и только. Въ провинціяхъ же никакихъ реформъ не предпринималось, несмотря на „зоркій“ надзоръ шести державъ. Если, по русской пословицѣ, у семи нянекъ дитя безъ глазъ, то для несчастной Арменіи оказалось довольно и шести нянекъ для того, чтобы продолжать владать свое прежнее жалкое существованіе.

Затѣмъ, въ 1894, 1895 и 1896 годахъ, какъ разъ въ то время, когда послѣ шестнадцати лѣтъ безплоднаго ожиданія, стали тропить Турцію съ реформами для армянскихъ провинцій, и какъ разъ тѣхъ самыхъ провинцій, которыя желала облагодѣтельствовать Европа, совершилось нѣчто столь дикое и неслыханное, чему не хотѣли вѣрить сперва и чему съ содроганіемъ вынуждены были, наконецъ, повѣрить.

Я говорю о массовыхъ избіеніяхъ армянъ въ

Сассунѣ (1894 г.), а затѣмъ послѣдовательно и во всѣхъ округахъ Малой Азіи, наконецъ, и въ Константинополь.

Избіеніе въ городѣ Байбуртѣ, родинѣ Киркора Гульгульяна, гдѣ отъ ударовъ убитаго имъ здѣсь Хасана-Милія-оглы пали его отецъ и два брата, совершилось 27 октября 1895 г. По официальнымъ даннымъ (донесенія консуловъ, англійская „синяя“ и французская „желтая“ книги и т. п.) установлено, что въ Байбуртѣ всѣ армяне мужскаго пола были перебиты или заключены въ тюрьму. Эти данныя вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что мы слышали здѣсь. Разграблено было 400 домовъ, число убитыхъ достигло до тысячи. Въ окрестностяхъ Байбурта совершенно разграблено и разрушено 165 деревень.

Первая Сассунская рѣзня была объяснена мятежемъ армянъ, причемъ ихъ убито было 10,000 человекъ. Но мало по малу истина вскрылась. Благодаря даннымъ, разоблаченнымъ представителями державъ и частными лицами (въ ихъ числѣ съ уваженіемъ слѣдуетъ помянуть Диллона, спеціальнаго корреспондента „Daily Telegraph“, супруга Гарри-сова, француза Шарметана, нѣмца Лепсіуса и нашихъ русскихъ публицистовъ Джаншиева, Гольм-стрема, графа Комаровскаго и др.), получилась картина, по истинѣ, потрясающая. По свѣдѣніямъ, собраннымъ представителями великихъ державъ, до начала 1896 года въ Малой Азіи убито 37,085 армянъ, разорено и сожжено домовъ 39,749, насильственно обращено въ магометанство 40,950 человекъ, пушено по міру 290,300 человекъ. Повсюду открыты были подписки на пожертвованія въ пользу вдовъ и сиротъ армянскихъ, разрѣшенъ былъ официально такой сборъ и русскимъ правительствомъ въ 1896 г. Но самую ужасную сторону этого историческаго событія явилось то, что вся эта рѣзня оказалась, повидимому, не случайнымъ взрывомъ племенной или религіозной вражды, а прямо-таки организованнымъ, систематическимъ массовымъ избіеніемъ армянъ на пространныхъ всей Малой Азіи. Это было по своему изготовленный Востокомъ суррогатъ такъ долго и терпѣливо ожидаемыхъ Европою реформъ для Арменіи. Вотъ на какой исторической почвѣ выросло событіе, которое вы неожиданно призваны разсудить сегодня. На почвѣ бѣдствій всего армянскаго народа,—бѣдствій, о которыхъ тотъ, кого Европа привыкла звать „праведнымъ старикомъ“—Гладстонъ, едва ли не первый, не даромъ, во всеуслышаніе провозгласилъ: „это были бѣдствія, въ которыхъ преувеличеніе невозможно, потому что дѣйствительно превзошла самое необузданное воображеніе!“ Что мнѣ еще сказать вамъ?

Киркоръ Гульгульянъ и Хасанъ-Милія-оглы случайно встрѣтились въ Россіи, здѣсь въ Симферополь, послѣ трехъ лѣтъ. Хасанъ преуспѣвалъ. Нажившись на убитыхъ, онъ тамъ у себя въ Байбуртѣ не переставалъ наживаться на ихъ же вдовахъ и сиротахъ, ссужая имъ деньги и припасы за огромные проценты. Спискомъ найденныхъ при немъ документовъ—это перечень векселей и обязательствъ армянскихъ женщинъ, родственники которыхъ бѣжали въ Россію. По отзыву свидѣтелей, онъ всегда былъ злымъ ростовщикомъ, а послѣ байбуртской рѣзни особенно разжился и сталъ набѣзжать въ Россію по своему законному турецкому паспорту для сбора дани, и по документамъ и безъ документовъ, съ армянъ, у которыхъ оставались еще родственники въ Байбуртѣ. Изъ страха за участь оставшихся тамъ, ему платили исправно. Неслыханная дерзость и откровенность своеобразнаго разбойно-международнаго промысла и полное безеніе противопоставить ему что-либо!

Киркоръ Гульгульянъ, разоренный, бездольный скиталецъ, встрѣтилъ его однажды въ кофейнѣ Карабета и замышлялъ на мѣстѣ. Передъ нимъ былъ Хасанъ,—тотъ самый Хасанъ, который рѣзалъ его отца

и братьевъ въ ту минуту, когда, изнывая отъ страха, онъ самъ лежалъ подъ рундукомъ, не смѣя перевести дыханья. Это было не призракъ Хасана, это былъ дѣйствительный живой Хасанъ, отъ котораго лишь на Киркора вѣяло замогильнымъ ужасомъ призрака. Призракъ заговорилъ, онъ даже произнесъ нѣсколько словъ на человѣческомъ языкѣ: „здравствуй... Я помню твою фамилію“. Далѣе онъ не продолжалъ. Онъ „помнилъ“ фамилію Гульгульяновъ. Это было достаточно. Участе Хасана была рѣшена. Мы знаемъ, что Киркоръ Гульгульянъ бросился на Хасана, когда тотъ шелъ не одинъ, а въ числѣ другихъ пяти человѣкъ, которые составляли одну довольно компактную группу. Ночь была темная и туманная, уличные фонари едва освѣщали ихъ путь. Вы знаете, какую страшную рану нанесъ Гульгульянъ Хасану. Безъ колебаній онъ отличилъ его отъ всѣхъ другихъ, почти одинаковыхъ съ нимъ по росту и фигурамъ. Хасанъ упалъ замертво на мѣстѣ. По заключенію врача-эксперта, длинный кинжалъ проникъ ему прямо въ сердце. Какъ рассчиталъ и угадалъ свой ударъ въ темнотѣ Гульгульянъ—остается тайною его или провидѣнія. Слово, лезвіе кинжала было намагничено и его притянуло прямо къ желѣзному, не знавшему никогда состраданія сердцу Хасана...

Теперь остается еще одинъ вопросъ: виновенъ ли

Киркоръ Гульгульянъ? Русскіе законы, въ томъ числѣ и тяжкая статья уголовного закона, карающаго за преднамеренное убійство, рассчитаны на людскія отношенія вообще, нормируемыя законами. Вы знаете, изъ какой глубины безправія и беззаконія вынырнулъ несчастный Гульгульянъ. Убійца его отца и братьевъ, котораго онъ видѣлъ теперь передъ собой, не подлежалъ и не могъ подлежать никакому законному возмездію. Стало быть, несчастному оставалось только „забыть“, что его старик—отецъ и два брата, на его глазахъ, безжалостно зарѣзаны Хасаномъ. Но развѣ это забыть возможно, развѣ такіа вещи забываются? Онъ не искалъ встрѣчи съ Хасаномъ, ихъ свела судьба, ихъ свелъ тотъ рокъ, вѣра въ который такъ сильна на Востокѣ. Отъ человѣка мы вправѣ требовать лишь человѣческаго. Забыть, простить Хасана могъ бы развѣ „сверхъ-человѣкъ“. Не ищите его въ несчастномъ, жалкомъ Гульгульянѣ. Вашъ судъ тоже только судъ человѣческой. Что сверхъ человѣка, то уже Божье, и намъ остается только посторониться. Посторонимся!..

Присяжные засѣдатели, послѣ пятиминутнаго совѣщанія, вынесли Киркору Гульгульяну оправдательный вердиктъ, встрѣченный бурными аплодисментами публики. Предсѣдательствующій принялъ мѣры къ прекращенію ихъ.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 11 октября, по Судебн. Департ.

Арест.: о Трофимовѣ въ кражѣ; о Грабовскомъ въ покуш. на мошенничество; о Бѣляевѣ въ кражѣ; о Кузьминѣ въ подлогѣ; о Гизатуллинѣ въ убійствѣ; о Рязузовѣ въ грабежѣ; о Тастыбаевѣ въ вымогательствѣ; о Строре въ 4 кражѣ; о Смородиновѣ въ убійствѣ.

Част.: о Хохловѣ въ превыш. власти.

Угол.: о Сергѣевѣ по 1709 ст. ул.

На 14 октября, по 1 экзпед. Судебн. Деп.

Частныя: ж. Плотичина на Московск. коммерч. судѣ; прошеніе Красильникова; прошеніе Евсеѣва и Чихвостинной; ж. Дроздовой на Спб. губ. правл.; ж. Олешкевичъ на Виленск. губ. правл.; прошеніе Заболотскаго; о залогѣ, переаологѣ и продажѣ имѣній: малолѣтнихъ: Волянскихъ; Евстратовыхъ; Корсунской; Успенской; Дрожжиновыхъ; Лепетова; Федорко; Калязиной; Самородовой; Шамбадалъ-Шабадъ; Зиповича; Обуховой; наследниковъ: Корнилова; Обоева; Фейгельсона; Самойлова; Чесалниа; Венедиктовскаго; Амбарова; Богданова; Кряжева; Мерькова; Каширенинова; Варановскаго; Куленскаго; Скворцова; Лабинскаго; Павлова; Лукомскаго; Германовскаго; Обуховича; Григорьевой; Покровской; Лагутина; Августова; Суслова; Данилова; Глиндычъ; Погольскаго; Базыринныхъ; Волошиновой; Давидовскихъ; Нагбинныхъ; объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей: Ключарева; Александровскаго; Константинова; Смирнова; Звѣрева; Юрковскаго; Костроминной; Врочинской; Попова; Альбицкаго; Трусова; Дудинскаго; Смирнова; Соловьевой; Старицкаго; Бѣлозерской; Кукель-Яснопольской; Одынецъ-Добровольскаго; Молоканова; Соболевой.

На 14 октября, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

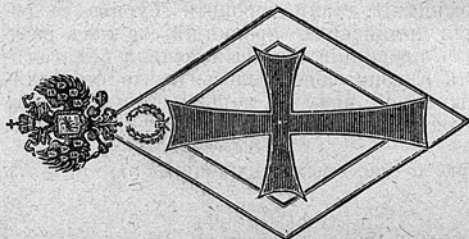
Жалобы: Ярунина Уфимск. о. с.; Коповалова Саратовск. о. с.; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Бершадской и Варанова; Степанова Курск. о. с.; Ешана Кишиневск. м. с.; Осканова Ейск. м. с.; Борковскаго Варшавск. 1 окр. м. с.; Лембрикова Стародубск. о. с.; Вабошина Уманск. м. с.; Юрловскаго Уманск. м. с.; Колокольниковой Ярославск. о. с.; Шлиффера Екатеринославск. о. с.; Егорова Пековск. о. с.; упр. акц. сб. Оршанск. м. с. по обв. Цирлина; Левина Ломжинск. 1 окр. м. с.; Хидекеля Дисненск. м. с.; Вабойкина Московск. ст. м. с.; Полатовской Витебск. м. с.; упр. акц. сб. Петровск. 1 окр. м. с. по обв. Миллера; упр. акц. сб. Петровск. 1 окр. м. с. по обв. Розенблюма; Федорова Ейск. м. с.; упр. акц. сб. Минск. м. с. по обв. Пржемышской; Раковника Минск. м. с.; упр. акц. сб. Майкопск. м. с. по обв. Соснова,—всѣ по обв. въ наруш. пит. уст.; Рабиновича Липовецк. м. с.; Вихтеля Варшавск. гор. м. с.; Альперовича Горецк. м. с.; Бобруйск. гор. управы Бобруйск. м. с. по обв.

Идельсона; Бобруйск. гор. упр. Бобруйск. м. с. по обв. Райхмана; Бобруйск. гор. управы Бобруйск. м. с. по обв. Шоманскаго; Бобруйск. гор. управы Бобруйск. м. с. по обв. Лившицъ; Кучинскаго Могилевск. м. с. по обв. Гуревича; Гриппмана Варшавск. гор. м. с.; Майданика Ольгопольск. м. с.; Штеренберга Киевск. с. п.; Ципорина Р.-Мозырск. м. с.; Ладновскаго Варшавск. гор. м. с.,—всѣ по обв. въ наруш. стр. уст.; Иоахима на опред. Сморгонск. м. с.; упр. акц. сб. Одесск. с. п. по обв. Фука въ наруш. таб. у.; Снитовскаго Люблинск. 1 окр. м. с. въ наруш. таб. у.; Якунова Астраханск. гор. м. с. 38 ст. у.; Ворѣва Астраханск. гор. м. с. 170 ст. у.; упр. Варшавск. тамож. окр. Сувалск. 1 окр. м. с. по обв. Мещенкова и Дanelьчиса въ наруш. тамож. у.; Друзиъ Виленск. м. с. въ нар. таб. у.; Тимофеева на опред. Уфимск. о. с.; Перкеса Петроковск. 3 окр. м. с. наруш. тамож. уст.

На 15 октября, по 2 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Темпера К.-Подольск. о. с. 1697 ст. ул.; Хакимова на опред. Казанск. с. п.; Негары Кишиневск. о. с. 513 ст. ул.; Амброжевича Винницк. м. с. 111 ст. у.; Потъхиной Пинск. м. с. по обв. Тешлова и Колиншера по 142 ст. у.; Карнауха Сморгонск. м. с. 142 ст. у.; Коруна Сквирск. м. с. по обв. Выкова по 142 ст. у.; Ковбы Сквирск. м. с. по обв. Выкова и Жилина по 142 ст. у.; Васильковскаго В.-Сокольск. м. с. 136 ст. у.; Райдановича В.-Сокольск. м. с. участіе кражи: Муравскаго Липовецк. м. с. кража; Франкунаса Вилкомирск. м. по обв. Сташиксиса и др. въ оскорбленіи; Конопцака Ковенск. о. с. 1692 ст. ул.; Дикермановъ К.-Подольск. о. с. 1160 ст. ул.; Романовича на опред. Спб. с. п.; Моргулиса Вердичевск. м. с. 1017 ст. ул.; Кухто Сморгонск. м. с. по обв. Винтилло по 153 ст. у.; Нимцовича Пинск. м. с. мошенничество; Миколенко Сквирск. м. с. 153 ст. у.; Шевчука Сквирск. м. с. 177 ст. у.; Френкеля и Капа Ровенск. м. с. по обв. Лясковскаго въ кражѣ; Войткевича.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Унив. знаи
высш. нал.
плат. См.
подроб.
ности
№ 38 его
журнала.

СПБ.
ЮРГЕНСЬ.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.